

Вадим Филатов

СНЫ ВОИНОВ ПУСТОТЫ

Вступление. Заворожённые пустотой

Сон первый. Три поворота колеса дхармы

Сон второй. Так говорил Нагарджуна

Сон третий. Путь пустоты к самой себе

Сон четвёртый. Единое есть всё и ничто

Сон пятый. Жизнь, как сновидение

Сон шестой. По эту сторону нигилизма

Сон седьмой. Пустота встречается с ничто

Сон восьмой. Пустота как прямое действие

Сон девятый. Ничто к Власти и Пустота к Господству

Сон десятый. Философия несуществования

Сон одиннадцатый. Сражения в пустоте

**Сон двенадцатый. Смеющийся лев прыгнул в Великий
Полдень**

**КОНЕЦ НИЧТО (Послесловие философа и поэта-мистика
Azsacra Zarathustra)**

Вступление

Заворожённые пустотой

Миллиарды жизней приходят и уходят, а пустоте нет до этого никакого дела.

Философия должна быть неудобной. "Что нам толку от человека, который, уже давно занимаясь философией, никому не доставил беспокойства?" - говорил Диоген о Платоне. Философия начинается в пустоте: наполненность и избыточность не нуждаются в философии.

"Даже обычные существа, услышав о пустоте, могут вновь и вновь чувствовать необычайный прилив радости, на глазах у них выступают слёзы восторга и поднимаются волоски на теле", - писал индийский мыслитель Чандракирти. Абсолютную пустоту невозможно описать в терминах, в которых излагается теизм, оправдывающий видимость бытия. Его невозможно описать и на языке мистики. Несуществование трансцендирует мистицизм в сферу запредельного общения с воинами пустоты.

Когда я говорю, через меня говорит пустота, которая пуста от самой себя. Человек осуществляется, разговаривая и исчезая. Пора дать слово тому, что существует, не существуя.

"Где умирает надежда, там возникает пустота", - говорил Леонардо да Винчи. Надежда умирает первой. Однако многие не спешат избавиться от надежды, поскольку состоявшаяся безнадежность лишает удовольствия расправиться с надеждой снова и снова.

Возможно, экзистенциалисты правы - человек познаёт истину и достигает освобождения в пограничной ситуации, через шок. Да и то не сразу и не каждый. Абсолютная истина - это, как учит буддийская Мадхьямика, абсолютное отсутствие, пустота.

"То, что возникает, поскольку находится в процессе становления - не существует. То, что прекращается, поскольку находится в процессе разрушения - всё-таки существует", - утверждал Чандракирти. Если «существование» есть, оно подобно мгновенной вспышке гаснущего угля. Необходимо очистить сознание от любых измышлений, цепляющихся за самосущее. Многие утратившие зрение, например Борхес, намного ближе абсолютной истине пустоты, в которой нет ни пути, ни освобождения, ни страдания, по сравнению со зрячими. Прошедший через опыт (само)разрушения способен делать из ничего - всё, придавая при этом смысл бессмысленному.

Сегодня понятие веры утратило своё изначальное значение и понимается как вера в невероятное. Наиболее невероятным из всего невероятного предстаёт «существование» мира. Воины пустоты возвращают понятию веры его исходное содержание. Рассказывая свои сновидения, они излагают основания убеждённости в самоочевидном. Их вера утверждает несуществование вопреки иллюзии «существования». Это вера в то, что ничего нет.

Однако большинство этого не понимает и не приемлет, несмотря на то, что творения природы и человека регулярно проваливаются в своё естественное состояние - в пустоту. Природа не терпит пустоты, стремясь её, во что бы то ни стало заполнить, в то время как пустота великодушно терпит природу. Банальные люди возводят города для того, чтобы обитая в них, не помнить о небытии. В отличие от них, замороженные пустотой сознают, что всякое утверждение о бытии – это не более чем метафора или символ. И что множество конечных целей никогда не удовлетворит дух с его бесконечной устремлённостью в никуда. Воины пустоты очень часто попадают в положение забывших умереть. И тогда им остаётся лишь проиграть, чтобы выиграть и замкнуть в пустоте круг своей философии.

Сон первый

Три поворота колеса дхармы

Царевич проснулся и огляделся: в громадном и пышном покое было полутемно, всюду лежали, разметавшись, спящие женщины. И вдруг увидел царевич, что он на кладбище и что вокруг него одни трупы. Сердце его преисполнилось горести и отвращения, и почувствовал он, что наступило время для полного отказа от иллюзии «существования». И вышел из дворца в пустоту.

Пустота – не есть простое отсутствие. Пустота – это всё. Пустота явлений – это их пустота от самосущего «существования». Быть самосущим – значит обладать в самом себе причиной своего «существования». Но причина всего находится в пустоте. Следовательно, «существование» пустотно и представляет собой несуществование. А если ничего нет, то всё что угодно может привести к чему угодно, но единственной реальностью была и остаётся одна лишь пустота. Так же как любое пламя завершается тьмой.

Чувства не могут воспринимать несуществование, выступающее в качестве объекта познания. Настоящее постоянно ускользает из пустоты в пустоту, прошлое прекращается, а будущее не возникает. Поэтому все объекты во вре-

мени и само время не существуют. Знание о несуществовании достигается посредством невосприятия, сам человек – несуществующее существо. Люди обычно не понимают, что такое пустота, потому что ошибочно воспринимают внутренние и внешние явления как самосущие. Более того, абсолютизируют отдельные аспекты собственного несуществования: жизнь, имущество, известность и власть. Обладать всем этим может лишь нечто «существующее», но всё, что связано с несуществующим, является таким же несуществующим. В действительности ничего нет, хотя эта очевидность находится в противоречии со всей совокупностью человеческого опыта. Пустота всего «существующего» от «существования» – это и есть абсолютная истина, потому что она не нуждается ни в каких других истинах.

Однако, сколько не рассуждай о том, что ничего нет, окружающие нас объекты остаются на своих местах. Поэтому мы говорим, что чувственно воспринимаемое «существует» условно – как временное нарушение гармонии пустоты. Всё видимое нами следует рассматривать как сновидение, несамодостаточную галлюцинацию, порождённую всё той же пустотой. Все объекты едины в пустоте как в единственной реальности. Всё есть ничто и ничто есть всё. Основой всего выступает пустота и, следовательно, все вещи в абсолютном смысле не существуют. Пустота пуста и от самой себя. Временное отсутствие пустоты порождает иллюзию наполненности, что, в целом, соответствует библейской идее о сотворении мира из ничего.

Буддизм дал миру классическое учение о пустоте, в котором совершенно нереальное являет себя как мир: «Форма подобна пене, ощущения подобны пузырькам на воде, различение подобно миражу, формирующие факторы подобны пустотелому дереву, сознание подобно магической иллюзии» («Сутра изложенного шравакам»). Однако сам Будда занимался не столько теорией философии, сколько практикой уничтожения страданий. Вначале он учил, что мир – это страдание, причина страданий – желания, прекращение страданий связано с отказом от желаний, который осуществляется в соответствии с восьмеричным путём спасения. Это был первый поворот колеса дхармы (учения). При втором повороте колеса дхармы Будда учил противоположному: **нет страданий, нет освобождения, не нужен и путь.** Этот поворот колеса учения вызвал непонимание и замешательство у существ: непривычно и отчасти обидно узнать о том, что ничего нет. Поэтому Будда предпринял третий поворот колеса учения, который получил название «поворот колеса тщательного объяснения». Этот поворот был предназначен для тех, кто испугался абсолютной истины, заключённой во втором повороте. Снизойдя к их мыслетрусю, Учитель пояснил, что на абсолютном уровне ничего нет, но

на относительном (условном) уровне явления есть. Так, бумажные деньги являются только бумагой и лишь условно – они деньги. До тех пор, пока не отброшено цепляние за «реальность», обыкновенному человеку необходимо знать, что делать с этой «реальностью». Однако, мышление, стремящееся избавиться от страха, исходит из того, что ничего нет.

Чтобы заменить ошибочные идеи на правильные, необходимо постоянно думать о правильных идеях и об их применении в нашей жизни. Неуклонное и непрерывное размышление о пустоте ведёт к тому, что созерцающее сознание растворяется в ней и перестаёт ошибочно сознавать себя как «существующее». Всё, что проходит через различные степени пустотности рано или поздно обретает искомый максимум. Пустоту необходимо увеличивать во имя самой пустоты. Поскольку зависимость порождена иллюзией, освобождение является всего лишь устранением иллюзии. Освобождение – это очищение от грязи ошибочного воззрения о том, что что-либо есть, возврат к подлинности несуществования. Для тех немногих людей, которые не видят в мире ничего, кроме пустоты, пустота перестаёт быть силой, производящей призраки. Такой человек продолжает несуществование в мире призраков, но вне зависимости от него. Он может ничего не делать, а может и действовать, но без всякой надежды на получение выгоды, поэтому не зависит от успеха или неудачи. Воин пустоты не имеет необходимости осуществлять активность – его прямые смыслообразующие действия производятся спонтанно, выступая как сила, восстанавливающая изначальную гармонию пустоты. Всякое действие, которое прямо или косвенно ведёт к осознанию единства с пустотой, увеличивает пустоту, рассматривается как относительное добро, а всё, что прямо или косвенно препятствует этому – как относительное зло. А, поскольку нет истинного «существования», действию ничего не мешает созреть как результат. При этом никакие другие результаты, за исключением результата несуществования не имеют истинного «существования»: ведь «существует» в качестве абсолютной причины всего несуществующего лишь одна пустота.

Становится совершенно очевидным, что **любые формы борьбы за «существование» изначально обречены на поражение, чего нельзя сказать о борьбе за несуществование.** Воины пустоты пребывают в высшей радости и способны уничтожить тысячи миров. Отрицание ими любых концептуальных построений путём выявления их пустотности, представляет собой абсолютную истину или дхарму прекращения. Так учение, выходящее за пределы концепций «существования», раскрывает глубинный смысл абсолютной пустоты.

Наш ум никогда не освободится от тонких омрачений пока пустота не реализована. Каким образом возможно практиковать пустоту? Интересное духовное упражнение распространено среди последователей буддизма хиняны. Вначале необходимо представить, что кожа, жилы, мясо и кровь всех людей растворяются и остаются лишь кости. После этого образы получившихся скелетов нужно растворить в своём собственном. Людям с сильной привязанностью к миру Будда рекомендовал постоянно медитировать на то, что их окружают одни только скелеты. Однако во время такой медитации часто возникает опасность потерять видимость пустоты. В этой связи прежде всего следует очистить свой ум от яда ошибочных измышлений, цепляющихся за проявленное, перестать доить бумажных коров, уничтожить оковы надежд, а также интеллектуальные позиции «существования». Требуется совершенно ясно видеть, как пылающий огонь пустоты сжигает дрова всех явлений. Например, несмотря на то, что жизнь и смерть (вхождение в абсолютное прекращение иллюзии) равно не существуют, несуществующие, подобные трупам философы упорно придумывают и то, и это. Но все их учения, как и полагается, пусты и бессущностны. В данной связи, не только цепляние за жизнь, но также и цепляние за смерть – всё преодолевается пустотой. А пустота самой пустоты – это есть пустота запредельного, в которой больше мудрости, чем в учениях миллионов Будд. Ведь даже Будды, их учения и поступки, как и всё остальное, не имеют истинного «существования».

Это очень буддийское свойство — стремление в пустоту. Неправда, что телега, в которую запряжены лебедь, рак и щука стоит на месте. Как любые магические иллюзии, включая и нас самих, она тоже движется – со скоростью жизни – из пустоты относительной в пустоту абсолютную.

Сон второй

Так говорил Нагарджуна

Однажды отец обратился к сыну, вернувшемуся после обучения у лучших браминов Индии: «А знаешь ты, что в жизни самое главное, что является причиной возникновения всего и конечной целью?» Сын не смог ответить на этот вопрос. Тогда отец велел сыну принести жёлудь.

- Из чего растёт дуб? – спросил отец. - Из этого жёлудя. - Разрежь жёлудь и посмотри, что у него внутри. - У него внутри мякоть. - Из чего состоит эта мякоть?

Сын разрезал мякоть и увидел, что внутри неё ничего нет.

- Видишь ты эту пустоту, в которой начинается мякоть, дающая жизнь жёлудю, со временем вырастающему в огромный дуб? Знай, что из этой пустоты возникает абсолютно всё, для того, чтобы однажды вернуться в неё назад. А теперь возвращайся к своим учителям: если они тебя этому не научили, то всё твоё знание ничего не значит.

Такую историю рассказывают «Упанишады», которые по времени предшествуют буддизму. А вот буддисты - мадхьямики вообще отрицают «существование» какой-либо реальности, духовной или недуховной. Согласно их взглядам всё представляет собой пустоту. Такая философия часто рассматривается как полный и чистый нигилизм, опустошающий бытие вплоть до полного его отрицания, как учение, чья концепция реальности заключается в абсолютном ничто. Иногда мадхьямиков называют наиболее радикальными нигилистами из всех, когда-либо «существовавших», но это уже явное преувеличение, поскольку самым последовательным нигилизмом является философия несуществования.

«Нет дхармы (свойства) вещей, которая не зависела бы от некоторого другого условия в отношении своего происхождения. Поэтому нет дхармы, которая не есть шунья (пустота)» - так говорил основатель мадхьямики Нагарджуна. Пустота у мадхьямиков намного сложнее математической пустоты или простого отсутствия. Опасаясь обвинений по поводу «впадения в крайность нигилизма», последователь Нагарджуны Чандракирти пояснил: «Мы релятивисты, мы не негативисты». И в этом проявилось его мыслетрусие. На самом деле элементы бытия, пропущенные через принцип абсолютного уничтожения, приобретают пустотное великолепие и стесняться этого совершенно излишне.

Когда будущему основателю философии мадхьямики Нагарджуне исполнилось двадцать лет, он был уже широко известен, изучил все светские науки и овладел магическими способностями, которые решил испытать на практике. Нагарджуна познакомился с тремя отличнейшими людьми и с помощью магии сделал их и себя невидимыми. После этого философы забрались в царский дворец и начали бесчестить там жён. Однако присутствие молодых людей обнаружили по их следам и три товарища Нагарджуны были порублены в лапшу, ибо «подвластный смерти подобен лампе, стоящей на ветру». Один Нагарджуна спасся, поскольку стоял невидимым рядом с царём и его не коснулись мечи. В тот момент, когда мыслитель находился на грани разрушения, в нём пробудилась мысль о всеобщей пустотности, о том что ничего нет: «Разрушение сущности называется несуществованием. Но если сущность не существует, что разрушается? Что именуется не-сущностью? И сущность и не-сущность равно пусты». Чтобы никто из существ не мешал ему думать о пустоте, Нагарджуна удалился в пустыню и там предавался сугубым пустотным размышлениям. **Ибо для чего «существуют» люди? Чтобы осознать, что на самом деле они не существуют и углублённо поразмыш-**

лять о пустоте. А где ещё можно свободно помыслить пустоту, как не в пустыне?

В процессе философских раздумий Нагарджуна счёл мирские вещи чрезмерно подлыми и грязными, а Суттры Будды недостаточно пустотными. **А то, что недостаточно пустотно, следует ещё сильнее опустошить. Разве допустимо недоуничтожение?** Затем Нагарджуна собрал своих учеников, придумал для них новые одежды и назначил им новые правила поведения. «Всё, что рождается – не может не умереть. Всё, состоящее из частей – разрушается. Всё накопленное – тратится. Всё созданное – непостоянно. Представьте себе, что все вещи, которые вы хотите – это рога на ваших головах, – учил он. – Всё драгоценное не имеет проявленной природы, медитируйте на чистую пустоту».

В той области Индии правил царь, который был далёк от философии и поэтому несколько не заинтересовался пустотной мудростью Нагарджуны. Чтобы привлечь внимание царя, мудрец в течение семи лет ходил впереди царской процессии с красным флагом, символизовавшим начало революции пустоты. Наконец на седьмой год царь заметил Нагарджуну и потребовал, в доказательство его всеведения, рассказать что происходит на небе. Нагарджуна пояснил, что на небе идёт война между асурами и дэвами. И в доказательство его слов с неба немедленно попадало оружие и оторванные члены асуров. Тогда царь уверовал в пустоту и с его помощью Нагарджуна распространил свою философию по всей Южной Индии. Это не понравилось многим браминам и один из них явился к царю и поклялся посрамить новоявленного вероучителя. Он произвёл магический пруд, в центре которого находился тысячелиственный лотос и, взобравшись на него, начал глумиться над Нагарджуной. В ответ Нагарджуна сотворил слона, который вырвал из воды лотос и поверг брамина на землю. Тот взмолился о пощаде. Нагарджуна спросил его: «Рад ли ты тому, что я долго пребываю на земле?» Брамин честно ответил: «По правде говоря, мне это совсем не нравится». Услышав это, Нагарджуна удалился в свой дом, замкнулся в нём и не показывался целый день. Когда ученики сломали дверь, из дома вылетела цикада. Это и был Нагарджуна. После этого его никто больше не видел. Через сто лет по всей Южной Индии в честь Нагарджуны возвели храмы и стали почитать его как второго Будду.

«Все условия пусты, поэтому произведённые условиями вещи также пусты. Возникновение, длительность и разрушение пусты, поэтому сотворённые вещи также пусты. **Из-за постоянства нет непостоянства, из-за непостоян-**

ства нет постоянства. Поэтому нет ни постоянства, ни непостоянства. Единство бытия и небытия не может быть установлено, так же как их разъединение. Поэтому бытие и небытие пусты. Рождение, смерть, травма, добро – откуда они? Что это? Что может осчастливить тебя? И что может разрушить тебя, если твой ум – чистая пустота? **С самого начала нет ничего, что должно быть сделано, потому что всё пусто**». Так говорил Нагарджуна.

«Существует» ли Бог? В мадхьямике наиболее полно проявились способности индийского ума схватывать абсолютные идеи при их минимальной индивидуализации. Нагарджуна учил, что если бы Бог сотворил все живые существа, Он не дал бы им страдание. Кроме того, если Он самосущий, то Он ни в чём не нуждается. Поэтому непонятно, зачем Он, как играющий маленький мальчик, сделал изменения, сотворив из ничто все твари? Нагарджуна пришёл к выводу, что Бог действует за пределами любви и ненависти и поэтому не является самосущим. А всё, у чего нет самосущего, пусто. Бог пустоты безличен, для него человечество – это средство самообнаружения собственного небытия. Вот почему смыслом жизни и целью несуществования человека являются углублённые размышления о пустоте, в процессе которых абсолют размышляет сам о себе. Если бы не человек с его самосознающим разумом, который для большинства людей выступает как источник постоянного унижения, каким бы образом пустота узнала о своей пустотности?

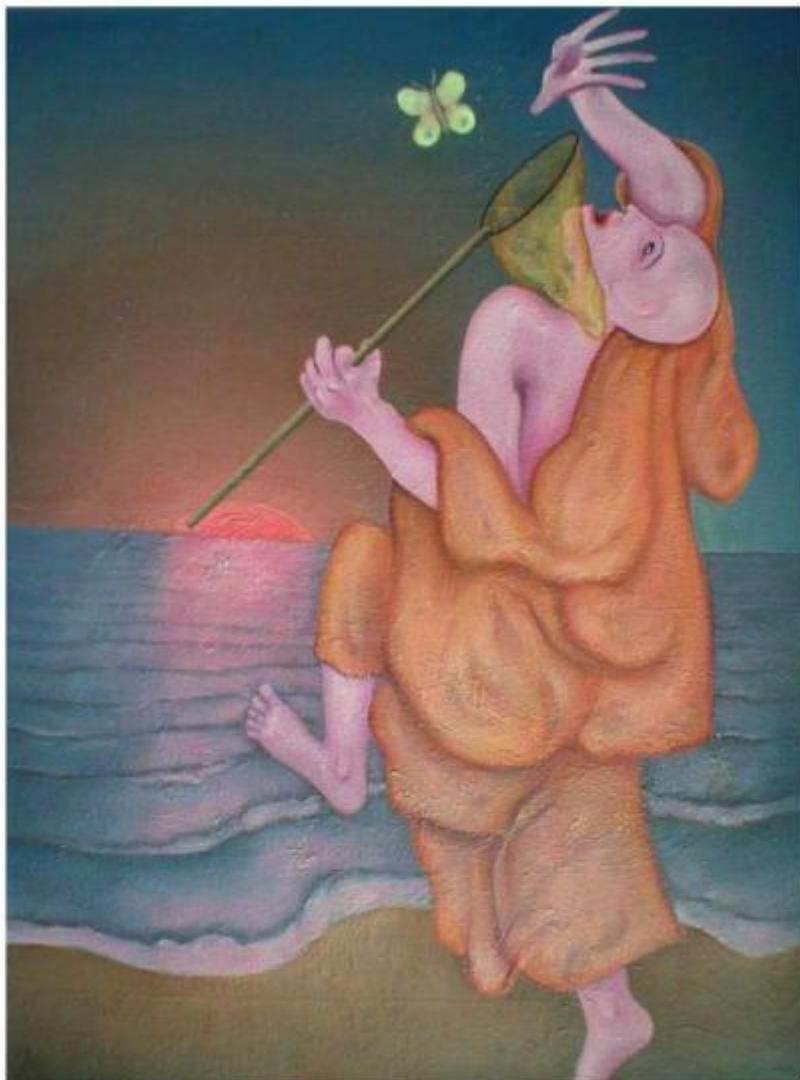
Как уже говорилось, банальным людям свойственна иллюзия настоящего. Невежество – это незнание того, что всё в отдельности и в целом несуществует. Именно в силу своего невежества, люди «страдают, совращаются и фантазируют», считая одно истинным, а другое ложным, одно «существующим», а другое – несуществующим, а затем цепляются за ту или иную мысль. Учение мадхьямики – обширный океан, имеющий разные смыслы и уровни понимания, но ведь всё в конце концов пусто. Поэтому «срединный путь» мадхьямики представляет собой нецепляние ни за какую точку зрения: «Если ты говоришь, что все вещи пусты, твоё высказывание также пусто». Разумеется, проблематично утверждать несуществование вещей несуществующим высказыванием. С другой стороны, пустота познаётся изнутри и пустое высказывание о пустоте способно быть достоверным уже в силу того, что не противоречит пустотности.

Могут ли живые существа, которые во всех мирах непрерывно дрожат от страха, стать совершенно бесстрашными, только потому что услышат о пустоте?

«Именно приняв мир за бесполезный, ибо подлинная реальность безопорна, не привязанный к «существованию» ум успокаивается, подобно тому, как огонь угасает без топлива. Если бодхисатве свойственно такое видение, то он достиг подлинного совершенного просветления». Так говорил Нагарджуна.

Сон третий

Путь пустоты к самой себе

«Люди древности в своих знаниях достигли предела. Чего же они достигли? Они узнали, что изначально вещи не существуют – вот предел, вот вся бездна смысла и добавить к этому нечего». (Чжуан Цзы)

Однажды Ян Чжу заметил: Все существа при жизни друг на друга не похожи, а после смерти – одинаковы. В жизни бывают умные и глупые, знатные и подлые: так люди различаются между собой. Умерев, люди смердят и гниют, разлагаются и исчезают в пустоте: в этом они все одинаковы.

Давно сказано: мудрость открывается в том, что миру кажется безумием. Люди слишком полагаются на то, что они видят и слышат. «С лягушкой, жи-

вущей в колоде, не поговоришь об океане, ведь она привязана к своей дыре», - сетовал Дух Океана Жо. Люди привыкли беречь своё тело, не зная того, что наша природа слита с пустотой. У каждого спящего свой собственный мир, а пробудившиеся ото сна пребывают в едином мире – в пустоте. Путь в пустоту – это скольжение мысли за пределы данности, момент перехода в пустоту – освобождение духа от предметности опыта. **Раствориться в пустоте означает достичь предела саморассеивания, в котором исчезают и свет и тьма.**

«Всё в мире исходит из сущего.

А сущее исходит из отсутствующего».

Так говорится в классической книге китайского даосизма «Дао Дэ Цзин». Все вещи рождаются из единого дыхания (божества), а единое дыхание возникает из отсутствующего, т.е. из пустоты. **А в возвращении всё возвращается к отсутствию.** Чем больше проявленность небытия в вещи, тем значительнее её место среди других вещей. Хотя все вещи имеют неисчислимое количество форм, их пронизывает одно дыхание пустоты.

Даосизм всегда придавал особое значение правильному пониманию пустоты. Дао (Путь) – это организующий принцип бесформенного и безграничного единого небытия, пустота и небытие – жилище Дао. «Путь сходится в пустоте», - говорил Чжуан Цзы. Главное в любом сосуде или, например, в доме - это заключённое внутри пустое пространство, без которого их невозможно использовать. Точно так же, какие бы тонкие и изысканные не звучали во время церемонии слова, главное - это молчание, которое они окружают собой, как рама картину. Молчание, в котором только и возможно единение в переживании красоты настоящего мгновения, в противовес постоянному "завтра" и "вчера" повседневной жизни: «Знающий не говорит, говорящий не знает». Молчащий не говорит не потому что скрывает истину. На самом деле он не говорит ни о чём, то есть молчит о ничто, в котором и заключается абсолютная истина Пути. Мудрый укореняется в этой истине и поэтому готов отдать всё, что лишнее, т.е. всё, что имеет. Владеть своим телом, владеть вещами – это значит произвольно присваивать принадлежащее пустоте. Напротив: не создавать никаких запасов означает отдавать предпочтение пустоте.

Обычно поверхностные умы соперничают из-за мелочей. Однако тот, кто ценит свою жизнь – всё равно не может её сохранить. Заботящийся о своём теле всё равно не может ему помочь. Лао-цзы говорил так: «Всё, имеющее облик – это призраки». Тот, кто познал Дао (Путь), мгновенно очищается от

цепляния за призраки и становится пуст. И это прекрасно, поскольку **нет ничего и, следовательно, нет ничего лучше пустоты.**

Итак, всякое бытие, по мысли древних даосов, держится пустотой, осознание которой выступает источником счастья и радости. Счастье даоса всегда с ним, снится ли он себе, как Чжуан Цзы, в виде бабочки или хоронит друга. Согласно высказыванию Чжуан Цзы, истина содержится даже в кале и в моче, ибо и они пустотны. В сущности, мир и населяющие его люди – всё это испражнения изначальной пустоты.

Когда Цзы Санху умер, Цзы Гун пришёл, чтобы принять участие в траурной церемонии. Прийдя, он с изумлением обнаружил, что один из друзей покойного насвистывает мелодию, другой аккомпанирует ему на цитре и вдвоём они напевают такую песню:

Эй, Санху!

Эй, Санху!

Ты возвратился к подлинному,

А мы всё ещё в человеческом облике!

Цзы Гун спросил:

- Прилично ли вот так вот петь над телом покойного?

Друзья взглянули на него и рассмеялись:

-Да что он знает об истинном ритуале!

И действительно, когда умерла жена Чжуан Цзы, философ тоже сидел на корточках и громко пел, ударяя в таз. Нужно быть в достаточной степени философом для того, чтобы так любить пустоту.

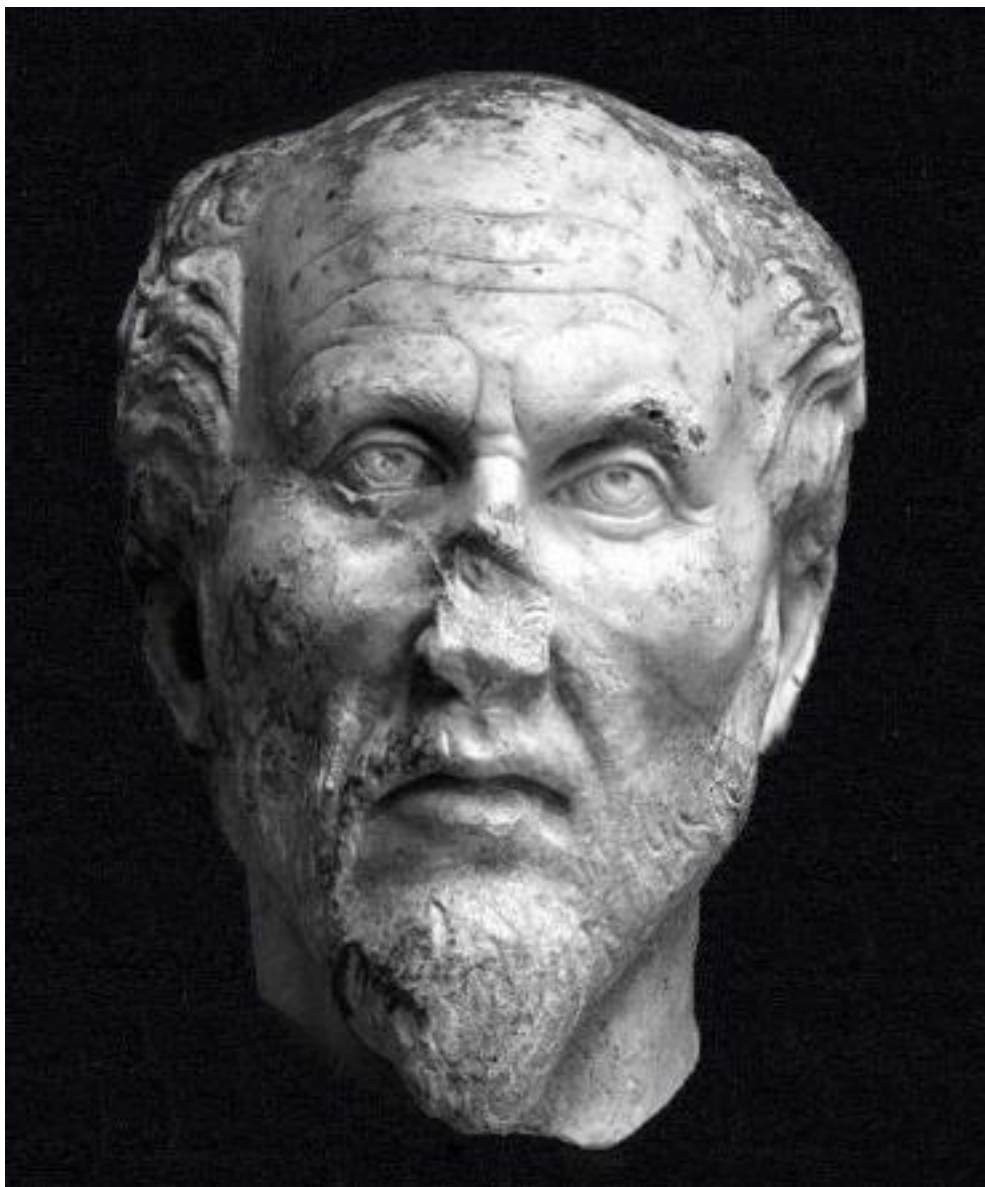
Воплотивший истину Пути до конца бесконечен и странствует в сокровенном. В совершенствовании человека нет ничего важнее, чем сделать сердце пустым. Пустота сердца означает, что в нём содержится ничто. Не желай приобретений, будь пуст - и не более того. Когда Ничто нас не обременяет, а наоборот радуется, достигается предел пустоты. **Пустота ничего не делает и при этом не остаётся ничего несделанного.** «Пустота и покой, отсутствие образов и деяний – вот основа Неба и Земли, предел Пути и полноты жизненных свойств»: так говорил Чжуан Цзы. **Всеобщее несуществование – это Путь великой пустоты небытия к самой себе через бытие тьмы вещей.**

«Однажды свет спросил у небытия: «Ты «существуешь» или несуществуешь?» Не получив ответа, свет взгляделся в образ небытия: тёмное, пустое. Целый день смотри на него – не увидишь, слушай его – не услышишь, трогай его – не дотронешься. «Совершенство! – воскликнул Свет. – Кто бы мог ещё достигнуть такого совершенства? Я способен быть или не быть. Но не способен абсолютно не быть». («Люйши Чуньцю»).

Сон четвёртый

Единое есть всё и ничто

Не принимай вещи, как сами собой разумеющиеся. Начни с простого: ничего нет. Никому не говори о том, что ты в действительности думаешь. Это бесполезно, потому что никого нет. Помни, что абсолютная независимость заключается в том, чтобы быть отсутствующим.

Античный мыслитель Горгий предполагал, что ничего нет. Отправная точка для истинного мышления находится в небытии. Проблема в том, что человеческий разум отчуждён от небытия бытием. Истинно лишь то, в чём нет

места случаю. **Бытие случайно и потому неистинно.** Следовательно, бытие – это то, что необходимо превзойти.

Однажды греческий живописец Амелий захотел нарисовать портрет философа Плотина, чем вызвал неудовольствие последнего: «Разве мало тебе этого подобия, в которое одела меня природа, что ты ещё хочешь сделать подобие подобия?» Подобно другим неоплатоникам, Плотин выступал как максималист в своём радикальном отрицании земного бытия.

Согласно учению Плотина, субстанцией, находящейся за пределами бытия и мышления, является абсолютное первоначало, именуемое Единым: «Первопричина всегда содержит в себе всё, но в неизменном тождестве, она всегда есть, но не бывает. **Единое есть всё и ничто**». Мир проистекает из Единого по закону убывающего совершенства. Единое производит Ум (высшее бытие), Ум – Мировую Душу, а та, в свою очередь, производит природу – низшее и неподлинное бытие.

«Что касается Единого, то оно, будучи выше ума, стоит и превышает знания. Первоединое ничего не желает, если бы оно чего-нибудь желало, то не было бы всесовершенным, потому что желания показывали бы, что оно не обладает тем, чего желает», - рассуждал Плотин. С другой стороны, именно в силу своего всесовершенства, Единое способно допускать бесконечно разнообразную иерархию собственного несуществования. Там, куда не достигает свет Единого, господствует тьма. Если дух озаряется исходящим от Единого светом, то материя представляет собою тьму, которая на самом деле несуществует.

Чтобы достичь Единого, следует отказаться от многого. Универсальное благо Единого требует самопожертвования отдельного. «Убийства, смерть во всех её облициях, уничтожение и разграбление городов - ко всему этому мы должны относиться как к театральному спектаклю, в ходе которого меняются костюмы, изображаются печаль и рыдания», - учил Плотин. Очищение от материального в человеке - это преодоление оков необходимости, путь умственной высшей свободы, ведущей к абсолюту небытия. На этом пути неизбежны утраты и отчаяние. Отвага отчаяния подразумевает самоотверженность. **Отчаяние выступает как средство достижения предела за которым начинается абсолютное небытие.**

Во всем, что нас окружает, присутствует пустота. Мы видим, как она расцветает в виде прекрасной розы. Улавливаем ту же самую пустоту в бабочке, в которую превратился во сне китайский мудрец Чжуан Цзы, в золотой рыб-

ке, неторопливо плавающей в тропическом озере. Иногда нам начинает казаться, что изначальная пустота – это мы сами. Мы принадлежим Единому, потому что мы тоже есть пустота.

Единое невыразимо в бытийственных терминах. Поскольку ни одна мысль не в силах отразить небытие, философу остаётся только безмолвие немыслия. Душа человека – это есть логос, смысл, но логос перешёл во внешнее и наблюдает себя и окружающий мир через искажённое зеркало бытия. Для того, чтобы вернуть восприятию истинные перспективы, следует разбить обманывающее зеркало и посмотреть небытию в лицо: избежать влияния форм вещей на разум, используя искусство сосредоточенности разума на себе. Необходимо сделать так, чтобы, отказавшись от внешней деятельности, душа отвернулась от зеркала и заглянула сама в себя. Именно в нас нужно искать пустотный абсолют. Если мы долго и пристально смотрим в пустоту, пустота начинает смотреть в нас, волшебным образом притягивает нас. Поглощённый созерцаемым, человек соединяется с ним. «Можно сказать, он сам тут как бы исчезает, ибо, восхищённый и исступлённый, оказавшись в полном уединении и в совершенной тишине, погрузившись всецело в глубину собственного существа, не обращая внимания ни на что другое, даже на самого себя, он словно столбенеет и обращается в чистый покой». **Я – всё в тот миг, когда перехожу в абсолютное небытие.**

Сон пятый

Жизнь как сновидение

Антонио Переда. Сон жизни. 1650 г.

«Жизнь и сновидения – страницы одной и той же книги». (Артур Шопенгауэр)

Мир – сон, иллюзия, майя – этот набор идей зародился в восточной философии. «Правильно поступает тот, кто относится к миру, словно к сновидению. Когда тебе снится кошмар, ты просыпаешься и говоришь себе, что это был всего лишь сон. Наш мир ничем не отличается от такого сна». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ». Русский народ тоже давно уже понял, что мир пуст, жизнь - это сон.

Постепенно и западная философия начинает овладевать опустошающими истинами. Вначале в средние века в христианской Европе сформировалась негативная теология – представление о том, что Бог находится за пределами познавательных возможностей человека и, следовательно, за пределами любых определений. На все вопросы: не является ли Бог тем-то и тем-то, возможен только один ответ – нет. Следовательно, Бог есть Божественное Ничто. Общая формула этой парадигмы такова: **«Omnia ex nihilo» («Всё из ничто»)**. В различных формах подобные идеи высказывали Псевдодионисий Ареопагит, Иоганн Скотт Эриугена, Николай Кузанский и другие. Немецкие мистики Мейсиер Экхарт (13-14 вв.) и Яков Бёме (16-17 вв.) довели отрицательную теологию до логического завершения, отождествив Бога и Ничто.

Одним из источников мистических интуиций в средние века стала каббала, с её представлением о древе Сефирот. Это древо символизирует процесс, в результате которого из пустоты и невещественности (из ничто) возникли живые существа. У древних не было никакого сомнения в реальности небытия. Современные верующие небытие, как правило, игнорируют, поскольку увлеклись представлениями о загробной жизни, в то время, как средневековые каббалисты определяли небытие как единственный источник всего сущего мира. В древе Сефирот небытию соответствует первая Сфира – Кетер (корона), которую иначе называют Эйн Соф — «беспредельное ничто». Параллельный перевод того же понятия – «бесконечность». На иврите «я» — «ани», а «ничто» — «эйн». Кроме того, «эйн» — одно из каббалистических имён Бога, которое также употребляется в сочетании Эйн Соф — «Беспредельное Ничто». Каббалисты обратили внимание на то, что слова «ани» и «эйн» складываются из одних и тех же еврейских букв: «алеф», «нун» и «иод». Считается, что между словами, состоящими из одинаковых букв, существует некое глубинное тождество. Слова «ани» и «эйн» — «я» и «ничто» — отличаются только порядком букв. Когда «йод» стоит на конце, получаем слово «я». Когда «йод» стоит в середине, получаем слово «ничто». Одно из каббалистических толкований буквы «иод» — «йада», то есть «сознание». Когда сознание обращено наружу, возникает «я». Когда сознание обращено внутрь, проявляется «ничто». Но это ещё не всё: слово глаз на иврите звучит как «айн». Глаз небытия – это наше самосознание. Айн Эйн - Ани.

Засыпая, каждый становится свидетелем репетиции гибели не только себя, но и вселенной. Мы умираем каждый вечер. Но мы – мертвецы, наделённые памятью. Мало встать следующим утром, нужно ещё перестать спать. Обычно это никому не удаётся – за исключением воинов пустоты. «Жизнь – это

сон», - пьесу с таким названием сочинил испанский драматург Кальдерон. «Жизнь – это сон, снящийся Богу», - уточнил Борхес, выразив суть философии Беркли.

Джордж Беркли был ирландском епископом, он родился в 1685 и умер в 1753 году. Некоторое время занимался просветительской деятельностью в Северной Америке, где в его честь в Калифорнии впоследствии назвали Берклиевский университет. Беркли чувствовал, что современные ему философия и естествознание создают угрозу христианскому мировоззрению, видел, как набирающий силу материализм подрывает веру в то, что всё на свете создано и управляется Богом. При этом именно Беркли оказался наиболее последовательным эмпириком. Он считал, что все вещи в мире таковы, какими мы воспринимаем их в своих ощущениях, но при этом они никакие не вещи, а произвольно сконструированные в нашем сознании идеи. Так называемый физический мир не обладает реальностью – его нет. С точки зрения Беркли, «существует» только то, что мы воспринимаем. Предполагать, что за нашими ощущениями скрывается некая субстанция – это значит приходиться к преждевременным и необдуманым выводам. У нас вообще нет и не может быть убедительных примеров из опыта для того, чтобы делать подобные заявления. Все наши идеи обусловлены причиной, лежащей вне нашего сознания, но причина эта не материального, а духовного происхождения. Что же представляет собой абсолют при условии тотального отсутствия материи? Это и есть бесконечная пустота, ничто. **Жизнь – это сон, снящийся пустоте.**

В 1709 году Беркли издал свой первый трактат «Опыт новой теории зрения», где заявил, что у вещей нет свойств, восприятие которых не зависело бы от нашего восприятия. Действительно, различные живые существа видят мир по-разному. Следовательно, вещи, а вместе с ними и весь мир – всё это является продуктом нашего восприятия. А в 1710 году Беркли сочинил главный труд своей жизни – «Трактат о принципах человеческого знания», в котором пришёл к следующим выводам:

- 1). «Философы сначала подняли облако пыли, а теперь жалуются, что оно мешает им видеть». Уже во времена Беркли стало очевидно, что философия придумывает ничего не значащие термины, например – «материя», для того, чтобы за мнимой наукообразностью спрятать свою несостоятельность.
- 2). «Бесконечность (бесконечная пустота) по самой своей природе не может быть постигнуто тем, что конечно» (человеком и человечеством).

3). «Быть – значит быть воспринимаемым».

4). «Материи нет». Это утверждение и есть не что иное, как нигилизм и притом крайний.

Отвечая на возможную критику, Беркли говорил следующее: «Вы можете, если это так уже вам хочется, употреблять слов «материя» в том смысле, в котором другие люди употребляют слово «ничто» и таким образом делать эти термины однозначными в вашем способе выражения». Материя представляет собой ничто и лишь как продукт сознания абсолюта она может рассматриваться как условное нечто.

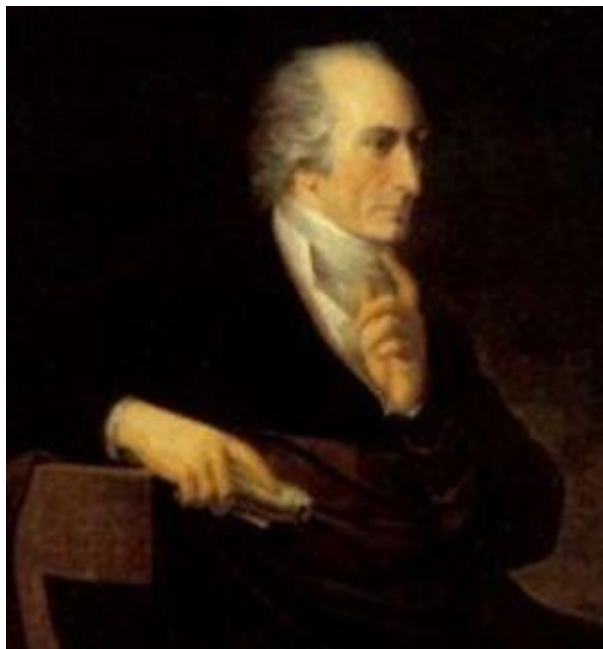
Идеи Беркли вызвали неприятие как со стороны церкви, так и со стороны учёных. Богословы увидели в них мысль о том, что раз материи нет, то зло, присущее нашему миру, есть продукт сознания Бога. Поэтому Беркли был вынужден до конца жизни сочинять с целью оправдания Бога богословские трактаты. Философы – эмпирики обвинили Беркли в солипсизме – идее о том, что в мире «существует» только он, Беркли, а все остальные являются его галлюцинациями. В принципе, так оно и есть: ведь для каждого человека единственно возможной позицией в восприятии мира является точка зрения солипсизма. В эмпирическом отношении человек не в состоянии выйти за пределы своего восприятия и своей субъективности. Тем не менее, Беркли (в порядке мыслетрусия) решил не впадать в крайность солипсизма, и выдал свою знаменитую идею, согласно которой «мы все снимся друг другу и все вместе снимся Господу Богу». Поэтому, если в мире «существуют» объекты, которые никто из людей не воспринимает, они всё равно в определённом смысле действительны – как продукт ума Бога.

Если сопоставить учение Беркли с представлениями негативной теологии, отождествляющими Бога и ничто, возникает совершенно новая для европейской философии картина: несуществующий мир, выступающий как продукт сознания абсолютного ничто. Иначе говоря, все дхармы пусты, поскольку не обладают самосущностью. Парадоксально, что автором таких, мягко говоря, странных для Европы идей стал епископ. «Такой нигилизм, как отрицание мира бытия мог бы быть божественным образом мысли», - говорил впоследствии Ницше. Поистине, пути Господни неисповедимы!

Сон шестой

По эту сторону нигилизма

Фридрих Генрих Якоби (1743-1819)

«Подлинный интеллектуал — это отринутый адепт: он, безусловно, человек веры, но одновременно — вечный еретик. Я хотел быть совершенным человеком, не просто кабинетной крысой, но еще и воином, способным брать на себя ответственность, умеющим не только получать, но и наносить удары. Есть два рода мужчин: воины и все прочие... Только люди, умеющие умирать, имеют право на жизнь. Чтобы воспрепятствовать медленному разрушению, которое я наблюдаю повсюду, чтобы остановить гибельную эволюцию, я хочу противопоставить ей немедленное и полное разрушение». Так говорил воин пустоты Пьер Дриё Ла Рошель.

Нигилизм — это сознательная устремлённость к состоянию всеобщего ничто. Такая устремлённость неизбежно торжествует после поиска во всём совершающемся смысла, которого нет.

«Трудно найти что либо более неверное, нежели старая пословица, которая, подобно многим другим людским ложным мнениям, не сходит с человеческих уст: *Ex nihilo nihil fit*, которую Шекспир передал в «Лире» такими словами: «Из ничего и выйдет лишь ничто», - писал в 18 веке в сатирическом «Трактате о ничто» Генри Филдинг. —А между тем из ничто в действительности-

сти рождается всё. Истина сия признана представителями всех философских школ, и единственное, в чём они расходятся, это: сотворило ли мир нечто из ничто или ничто из нечто». Действительно, первой позиции придерживается идеализм, второй – материализм, на самом же деле мир сотворён ничто из ничто. Поэтому и сам он, в силу отсутствия самосущности, есть не более, чем ничто.

«Со всяким ростом человека в величину и высоту он растёт также в глубину и в ужас; мы не вправе хотеть одного без другого», - говорил Ницше. Пришла пора направиться в ужасные глубины европейского нигилизма. В истории западной мысли понятие «нигилизм» применяли к самым разным философским взглядам – например, к солипсизму, близкому идеям Беркли или к философскому пессимизму. Впервые это слово в его философском значении было использовано в 1733 году Ф.Л.Гетциусом в качестве негативной характеристики ряда направлений философии и богословия. Хотя ещё в середине века получила известность «ересь нигилизма» которая была осуждена Ватиканом и заключалась в отрицании Готье де Санкт Виктором человеческого естества Христа.

Во Франции термин «нигилизм» получил известность в конце 18 века в следующих трёх значениях: 1) Нигилизм, как философская концепция, в соответствии с которой нет ничего, что «существовало» бы абсолютно; 2) Идеология, отвергающая любые формы общественного принуждения; 3) Свовкупность настроений пессимизма и тотального разочарования.

В Германии одним из основоположников интерпретации нигилизма как самостоятельного философского направления был Фридрих Генрих Якоби (1743-1819). Он использовал термин «нигилизм» в процессе своей критики философских систем Канта и Фихте. В письме к Фихте (1799) Якоби указал, что основная у Фихте философская категория «Я» является следствием совершенно необоснованной абсолютизации человека. В результате для человека, который незаконно присваивает себе функции Бога, всё растворяется в его собственном ничто. Только вера в подлинного Бога может, по мнению Якоби, противостоять отчаянию подобного рода нигилизма. Мощная критика, которой Якоби подверг философию Канта и Фихте, вызвала волну ожесточённой контркритики. Так, Шеллинг обозвал Якоби дилетантом, Гегель – вождём полужнаек в философии, Гейне – сварливым прохвостом, Куно-Фишер – «низшей монадой» и т.п. Что касается самого Канта, то он охарактеризовал философию Якоби как «аффектированное мечтательное гениальничанье». Однако, любой последовательный и честный идеализм рано или позд-

но приходит к нигилизму. Постепенно и сам Якоби, если верить свидетельству гегельянца Ц.Ф.Гешеля, начал склоняться к точке зрения того самого философского нигилизма, в приверженности которому он обвинял Фихте. В этой связи Эрнст Юнгер позднее утверждал следующее: «Упрёк в нигилизме сегодня популярен и каждый приписывает его своему противнику. Весьма вероятно, что правы все». Весьма вероятно, что прав и Юнгер, особенно в свете следующего показательного высказывания Ж.-Ф. Лиотара: **«Абсолютное знание требует законченного нигилизма»**.

Как бы то ни было, в начале 19 столетия дискуссии об идеалистическом нигилизме были продолжены в работах Фихте и Гегеля. Диалектическое развитие гегелевской мысли начинается в области ничто и здесь же завершается. Согласно Гегелю, задачей нигилизма является познание абсолютного ничто, представляющее собою центр Бога, которому не присуще никакое «для-себя-существование»:

«Дух достигает истины, обретая самого себя в абсолютном разрыве. Дух есть эта сила... только тогда, когда он смотрит в лицо негативному, пребывающему в нём».

С другой стороны, нигилизм в 19 веке часто связывали с критикой религии, религиозной нравственности и общественных институтов. Так, Ф.Ф.Баадер находил в философском нигилизме разрушительное для религии злоупотребление интеллекта, в котором он не видел ничего, кроме ненависти и отрицания «существующего» социального устройства. Нигилизм обвиняли в распространении в массах настроений отчаяния и вседозволенности. Нигилистические позиции приписывали антропологическому материализму Л.Фейербаха и философскому эгоизму М.Штирнера. («Ничто – вот на чём я построил своё дело» – так начинает свою книгу «Единственный и его собственность» Штирнер). Однако очевидно, что речь идёт уже об ином. Начиная с 40-х годов 19 столетия понятие «нигилизм» стало обозначать преимущественно радикально – материалистический способ мышления, связанный с идеями революционного переустройства общества («русский нигилизм»). Однако сохранилось и традиционное понимание философского нигилизма в качестве направления европейской мысли, для которого характерна абсолютизация ничто. Не случайно, что именно в это время в Европе вырос интерес к буддизму, который интерпретировался как восточный нигилизм. В контексте европейского переосмысления буддизма можно истолковать ключевые моменты пессимизма А. Шопенгауэра, так поступил российский революционный демократ Герцен характеризовавший Шопенгауэра как **«идеального**

буддиста, нигилиста и мертвиста». Отличная формулировка! Не стал исключением и Фридрих Ницше, увидевший в учении Шопенгауэра новый буддизм или пассивный нигилизм. На самом же деле Шопенгауэр удивительно точно интерпретировал нигилистическую жажду небытия как стремление к слиянию с Богом. Сам Ницше определял нигилизм как волю к ничто, ведущую к саморефлексии и саморазрушению, связывал всё это с декадансом и называл себя «первым совершенным нигилистом Европы у которого нигилизм уже позади». В действительности ницшеанское учение о вечном возвращении означает, что заключающее в себе все возможные смыслы ничто - вечно. И если ничто – конечная цель мира, то всё в нём (не)существующее преследует ту же самую цель. Уничтожение идеологии декаданса вызывает к жизни силы абсолютного уничтожения, при этом воля к власти трансформируется в волю к ничто.

К философскому нигилизму примыкают представители экзистенциализма – Хайдеггер, Сартр и другие, в качестве важнейшей категорией у которых также выступает ничто. Так, Хайдеггер в лекции «Что такое метафизика?» рассуждал о ничто как об условии свободы: «Без исходной открытости ничто нет никакой самости и никакой свободы». Выводы, сделанные Сартром из экзистенциальной аналитики Хайдеггера, также не ограничиваются понятием бытия. Для ничто, согласно Сартру, характерна созидательная активность, которая осуществляется посредством отрицания. Очевидно, что Сартр превратился в символ экзистенциализма не столько в связи с оригинальностью своих исходных позиций, сколько благодаря последовательности, непримиримости и убедительности, с которыми он их утверждал. В свою очередь, А. Камю понимал под нигилизмом осознание абсурдности человеческого «существования», которое приводит к бунту: «Нигилистом можно быть двояким образом, и каждый раз из-за непомерной жажды абсолюта. По видимости, есть бунтовщики, желающие умереть, и есть другие бунтовщики, желающие умерщвлять. Но по своей сути это одни и те же люди, равно лишённые бытия, сжигаемые жадой настоящей жизни и предпочитающие всеобщую несправедливость ущербной справедливости».

Экзистенциализм – это «мужество быть», несмотря на всеобщую вовлечённость в абсурд и ничто, мужество принять на себя отчаяние и безнадежно сопротивляться абсурду, стараясь оставаться при этом собой, мужество принять на себя творческое одиночество и ужас философских прозрений. Мыслители этого направления убеждены в том, что человек способен как на уровне знания, так и на уровне практики трансцендировать конечность и бессмысленность мира. Условное пребывание человека в преходящем иллюзорном мире противоречит его сущностному соучастию в антимире пустоты.

Фактом своего рождения человек отчужден от своего дома – абсолютного небытия, которым он по своей сущности является. Отчуждение обычно выражается в терминах саморазрушения, тревоги и отчаяния. В результате человек ощущает отсутствие какой-либо необходимости не только в нём самом, но и в так называемом мире в целом. История самого мира представляет собой непрерывное перераспределение зла. Это стало совершенно очевидно в 1914 году, когда закончился 19 век.

Ничто не в состоянии направлять действия решившегося индивида, кроме самого ничто. Так небытие закрывает двери бытия.

Сон седьмой

Пустота встречается с ничто

Нисида Китаро (1870-1945)

«Человек становится личностью благодаря ощущению взора пустоты». (Судзуки Тору)

Однажды японский философ 20 века, основатель киотской школы Нисида Китаро бродил по парку Уэно и пережил чистый опыт Сатори. Ему открылась логика небытия, позволившая прозреть мир как его отсутствие.

Подлинное «существование» – это нонэкзистенция, несуществование. Тело Будды тождественно телу человека. А тело человека представляет собой тело пустоты. Решающая встреча – это встреча человека с пустотой, при которой встречающийся сам становится пустотой. «Существует» немало признаков прорыва в пустоту. «Проходит лик мира сего», - говорил Достоевский. Давно пора довериться тому, что Нисида Китаро назвал чистым опытом, логикой небытия, как условием видения истины.

О том, до какой степени логика небытия укоренились в культуре Востока, свидетельствует характер восточного искусства. Японский писатель Кавабата Ясунари посвятил раскрытию этой темы свою Нобелевскую речь, напомнив о том, что в дзэнских храмах, в залах для медитации обычно сидят молча, неподвижно, с закрытыми глазами, до тех пор, пока не наступит состояние недумания и неведения. Тогда исчезает «я» и его место занимает ничто. Но это не есть ничто в его западном понимании, а пустота Востока, в которой всё (не) существует само по себе, пустота, как беспредельная вселенная души. Завершая свою речь, Кавабата вновь обратился к ничто: «Критика находит в моих произведениях пустоту (ничто). Но это совсем не то, что называют нигилизмом на Западе, потому что отличаются наши духовные истоки». Идея небытия в западном понимании – это, как правило, идея конца, исчезновения, уничтожения. Восточная идея пустоты исходит из представления об отсутствии абсолютного «существования» вещей и мира, как не обладающих самосущностью. А то, что в абсолютном отношении и так не существует, способно исчезнуть или быть уничтоженным лишь условно.

Идея небытия у Нисида выступает как соединение философии буддизма с экзистенциализмом Хайдеггера. В силу того, что главной задачей Нисида была критика западной (и не только философской) традиции, он интерпретирует «небытие» в значении «абсолютной пустоты» буддийской мысли, которую рассматривает в контексте противоречия «общего» - «индивидуального» и определения условий достижения свободы. Что касается Хайдеггера, то в лекции «Что такое метафизика?» он также рассуждал о ничто как об условии свободы: «Без исходной открытости ничто нет никакой самости и никакой свободы». Согласно философии небытия Нисида Китаро, бытие – вторично, конечно и условно, а небытие – вечно, бесконечно и абсолютно. Небытие включает в себя всё. Обозначая противоречия европейской мысли, Нисида отметил, что в её основе всегда находится бытие, понимаемое как процесс. А это не допускает свободу индивидуального поскольку провозглашает всеобщую причинную обусловленность. Подобные рассуждения Нисида основаны на буддийской концепции всеобщей взаимосвязанности сущего. Философ утверждает, что, для сохранения возможности свободы, универсально-общее должно «существовать», обеспечивая связи индивидуального и одновременно не существовать как нечто, ограничивающее индивидуальность. Такое универсальное общее возможно как абсолютное небытие, описывая которое Нисида пользуется такими выражениями буддийской мысли, как «созерцание без созерцающего» и «определение без определяющего», тем самым утвер-

ждая его несубстанциальность. В итоге Нисида противопоставил классической европейской концепции, которую обозначил как «диалектику процесса», концепцию диалектики места, являющуюся по существу диалектикой абсолютного небытия. Подобная диалектика становится возможной благодаря абсолютному отрицанию, исключаяющему все, что связано с представлением о развитии и процессе. Ничто, небытие выступает как та среда, где всё происходит, а само происходящее представляет собой смену событий, совершенно между собой не связанных. «Ничто» Хайдеггера, которое определяется как «ничто из сущего», рассматривается Нисида в качестве основы сущего и места его (не)бытия. В итоге Нисида приходит к выводу о том, что идея небытия как представление о «всеобъемлющем универсуме, который, будучи всем, есть ничто», определяет духовный характер восточной культуры, в отличие от потребительской, ориентированной на бытие, культуры западной.

Ниситани Кэйдзи был учеником Нисиды и в своих философских построениях опирался на Хайдеггера и Сартра. Он также, как и Нисида, разрабатывал намеченную Хайдеггером проблему ничто, и видел в ней альтернативу креационистскому взгляду на мир. Для Ниситани была важна экзистенциалистская идея творчества человеком самого себя из небытия. Подобное творчество не является простой опорой на собственные силы. Человеческое бытие постоянно преодолевает рамки наличности чтобы осуществиться через небытие. При этом точка зрения, формируемая буддийским пониманием пустоты, поднимает, по мнению Ниситани, атеистический экзистенциализм на качественно новый уровень: «С позиций этой пустоты, позволяющей преодолевать человеческий взгляд, раскрывается мир становления всех вещей».

Мы видим, что Ниситани и другие ученики Нисиды продолжили его путь соединения западных представлений о ничто (философского нигилизма) с восточным пониманием пустоты. Так, Судзуки Тору придумал понятие «мир эхо - бытия», обозначающее бытие как отзвук (эхо) превичного небытия - абсолютной пустоты. Из всех видов небытия, лишь несуществование человека выступает как самосознающее. Собственно мир предстаёт как логически выраженная связь «я» и «ты» через посредство вещей. Однако, за внешней связью через вещи скрывается внутренняя связь через пустоту, в которой, как в трансцендентном небытии, находят отражение вещи. «Истинная картина бытия – это мир, в котором раздаётся эхо пустоты абсолюта, - писал Судзуки Тору. - Эта пустота внешне отражается в виде вещей». В мире эхо - бытия перекликается абсолютно свободная пустота, которая только и делает возможным подлинное бытие как ничто. Мир-эхо - это мир гармонии сво-

бодной любви, товарищество «я» и «ты», которые, опосредованные вещами, пребывают в абсолютной пустоте ничто. «Эхо трансцендентной пустоты, подобно кругам на воде, распространяется от материи к жизни, от жизни к духу и к обществу». В отличие от Нисида, пустота у Судзуки субстанциальна. Она представляет собой абсолютное нематериальное начало, окрашенное в традиционно восточные мистические тона.

Эстетический экзистенциализм Имамита Томомобу рассматривает акт смерти как результат деятельности ничто. Именно так Имамита понимает определение Хайдеггером человека как бытия, стремящегося к смерти. Согласно Имамита, ничто выступает в качестве силы, утверждающей и определяющей жизнь человека и одновременно как сила, вызывающая его смерть. По мнению Имамита, уверенность человека в собственной смерти основана не на логике разума, согласно которой «все умирают и я умру». Источником такой уверенности является воздействие на человека самого ничто. В человеке для ничто нет ничего скрытого. «Ничто, - говорит Имамита, - хотим мы этого или нет, своим присутствием вокруг нас и в нас намекает нам о смерти заранее».

Пустота и ничто встречаются друг с другом на Востоке и на Западе. В то время, как мыслители киотской школы рассматривали ничто, просветлённый учитель адвайты из Великобритании Дуглас Хардинг обратился к пустоте. Хардинг упорно искал ответ на вопрос «кто или что я такое?». Его книга «Об отсутствии головы» рассказывает о том как в возрасте 35 лет он обрёл ясное видение своей пустотной природы. Последующие двадцать лет Хардинг упорно, хотя малопонятно писал об отсутствии собственной головы и, следовательно, об отсутствии себя, как такового. Многие до сих пор считают, что он либо говорит загадками, либо слегка не в своём уме. Мало кто верит, что он действительно так думал:

«Во-первых, я знаю: пустота целиком и полностью осознаёт свою пустоту. Она наслаждается собой как безупречной ясностью. Во-вторых, именно потому что она является ничем, она является всем. При отсутствии в этой пустоте меня самого я наполнен всем остальным. Будучи третьим лицом, я - это мир, будучи первым лицом — я заключаю его в себе. Увидеть это, значит быть тем, кто я есть. И этого достаточно. Безголовость - смысл моей жизни и радикальный ответ на все мои проблемы».

Обнаружение великой пустоты внутри себя являлось целью большинства мистиков. Иисус тоже считал, что мы должны искать царства внутри себя - но не среди крови, мозга и костей, добавил Хардинг. Согласно утверждению

последнего, однажды увидев своё отсутствие, его можно видеть снова и снова, в любой момент, по собственной воле. Результат — освобождение от неподлинного «существования». Пустота не наполнена миром, поскольку она и есть единственно возможный мир.

В последнее время к философии пустоты обратился и скандально - известный российский писатель Виктор Олегович Пелевин («Диалектика переходного периода из Ниоткуда в Никуда» ; «Чапаев и Пустота» и т.д.):

«- Не спится? — спросил Чапаев. - Да, - сказал я. - Не по себе. - Чего, пустоту раньше не видел? - Я понял, что словом «пустота он называет именно это «нигде», которое я впервые в жизни осознал несколько минут назад. - Нет, - ответил я. - Никогда. - А что ж ты тогда, Петька, видел? - задумчиво спросил Чапаев». («Чапаев и Пустота»)

В пародийных сюжетах Виктора Олеговича персонажи нужны, как правило, лишь для того, чтобы озвучить по ролям его пустотные категории. Поскольку субъект и объект сводятся им к пустоте, их значения можно легко поменять местами. Скажем, Бог мыслит человека, или человек Бога? Это не имеет никакого значения, потому что в итоге мы получаем абсолютный ноль. Великолепен сюжетный ход романа «Чапаев и пустота», когда Василий Иванович уничтожает с помощью глиняного пулемёта иллюзию мира. Алистер Кроули считал, что есть магическая формула вселенной, как «отражательной установки для расширения пустоты посредством уравновешенных противоположностей». Он утверждал, что знает сокровенное имя Бога — «утраченный тетраграмматон», при изречении которого вселенная рассыплется в труху. Опасаясь за судьбу вселенной, он никому не раскрыл своей тайны. Но глиняный пулемёт всё равно уже пущен в ход. Короче говоря, нет ничего, кроме ничего, а кто думает иначе, тот плохо подумал:

«Представьте себе непроветренную комнату, в которую набилось ужасно много народу. И все они сидят на разных уродливых табуретах, на расшатанных стульях, на каких-то узлах и вообще на чём попало. А те, кто попроворней, норовят сесть на два стула сразу или согнать кого-нибудь с места, чтобы занять его самому. Таков мир, в котором вы живёте. И одновременно у каждого человека есть свой трон, возвышающийся над всеми царствами мира — нет ничего, что было бы не во власти того, кто на него взойдёт. Этот трон принадлежит каждому человеку по праву, но взойти на него почти невозможно, потому что он находится нигде... Так почему бы вам не оказаться в нигде при жизни? Клянусь вам, это самое лучшее, что в ней можно сделать: это то

же самое, что взять и выписаться из дома умалишённых».(«Чапаев и Пустота»)

Осознав, что существует лишь спасительное «нигде», мы, как несуществующие, становимся абсолютно свободны. Мы сами себя выписываем и отпускаем: «Вы знаете историю про барона Мюнхгаузена, который поднял себя за волосы из болота? Реальность этого мира имеет под собой похожие основания. Только нужно представить себе, что Мюнхгаузен висит в полной пустоте, изо всех сил сжимая себя за яйца, и кричит от невыносимой боли. С одной стороны, его вроде бы жалко. С другой стороны, пикантность его положения заключается в том, что стоит ему отпустить себя, и он сразу же исчезнет, ибо по своей природе он есть всего лишь сосуд боли с седой косичкой. И если исчезнет боль, исчезнет и он сам». (Виктор Пелевин «Священная книга оборотня»)

Лишь в пустоте возможно увидеть сущее. В то время как чувственность имманентна предметности, **дух полностью принадлежит ничто**. Мы можем видеть у духа возможность бессмертия через посредство смерти. Знание – **я есть пустота** – означает постижение истины. Единственный путь в вечность для временной формы, которую приняла пустота - перестать считать, что она - форма и понять, что она и есть пустота. **Если я есть пустота и ты есть пустота, то я – это ты, и оба мы принадлежим вечности.**

Сон восьмой

Пустота как прямое действие

Ван Янмин (1472-1529)

Вернёмся в Китай. Конец пятнадцатого столетия. Будущий философ Ван Янмин собрался жениться. В свадебный вечер он пошел на прогулку и не вернулся. Ему сообщили, что в окрестных горах живет отшельник; туда он и направился, и они проговорили до рассвета. В доме жены случился большой переполох, во все стороны послали на поиски людей, и в конце концов его обнаружили в горах.

Впоследствии, будучи чиновником, Ван Янмин вступил в конфликт с вышестоящим начальством и был сослан в деревню. В одну из ночей его озарило: всё обладает знанием. Ошибочно искать истину вовне. Путь мудреца заключён в нем самом, — сознание этого пришло к нему внезапно вечером в безлюдном месте, где не было ни книг, ни товарищей, с которыми можно было бы поспорить, ни наставника. Это был его мистический опыт.

В 39 лет он вернулся в столицу, а в 46 стал военным генерал-губернатором и усмирять повстанцев. Одновременно Ван Янмин продолжал страдать от клеветы чиновников, но этим только укреплялось его мировоззрение.

Кодекс чести японских самураев имеет те же конфуцианские корни, что и учение Ван Янмина. Хотя символом самурая являлся меч, главным оружием самурая был его дух. Меч - это лишь продолжение самурайского духа. На поле боя, где свистели стрелы и повсюду витала смерть, воин должен был уметь не только сохранить ясность ума, но и заставить себя мыслить и действовать намного быстрее, чем в обычной обстановке, чтобы использовать даже малейшие возможности для победы и выживания на поле боя. Поэтому самураи стремились исследовать и развивать способности своего духа, и в этом им помогали мастера дзэн-буддизма, ставшие наставниками многих прославленных воинов.

«Я постиг, что Путь Самурая — это смерть.

В ситуации «или-или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнишь решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, означает умереть собачьей смертью». Так учит средневековый кодекс чести самураев «Хагакурэ».

Революция пустоты есть соединение самурайского духа, нигилизма и прямого действия. Поскольку прямое действие непосредственно связано со смертью, мыслители, которые хотя бы один раз оставили кабинетные размышления и вступили в мир действия, легко становятся адептами мистицизма, с его стремлением к спонтанной удаче, и сторонниками нигилизма, сознающими своё и всеобщее несуществование.

Китайский философ Ван Янмин жил в конце 15 - начале 16 века. Он создал многочисленные философские сочинения - «Чуань си лу» («Записи преподающего и воспринятого»), «Да сюэ вэнь» («Вопросы к Великому учению»), «У цзин и шо» («Собственное мнение о Пяти канонах»), «Чжу-цзы вань нянь дин лунь» («Положения, установленные Чжу Си в конце жизни») и другие. Теоретические основы системы Ван Янмина таковы:

- 1) положение о едином происхождении принципа и внутренней силы;
- 2) положение о достижении благого знания;
- 3) положение о единстве знания и действия

Ван Янмин был склонен подчеркивать значение интроспекции и медитативной практики для достижения самопознания, без которого внешнее знакомство со многими предметами могло оказаться бесполезным. Наиболее оригинальным в учении Ван Янмина должно быть, по-видимому, признано

его знаменитое положение о том, что вне сердца-ума нет ни принципа-ли, ни предметов-явлений, ни занятий-деятельности. При этом Ван Янмин считал сердце-ум не органом в физиологическом смысле, а своего рода средством познания, тело-сущность которого – совершенное благо. Вместо того, чтобы утверждать, что добро и зло познаются благодаря исследованию действительности, Ван Янмин настаивал на том, что благое уже содержится внутри сердца-ума, и поэтому его легко распространить в действие. Практика познания названа Ван Янмином «распространением благосмыслия до предела», это означает, что человек «должен всегда поступать так, как подсказывает ему сердце». Таким образом, «благосмыслие» становится основанием для интеграции личности во внешний мир. Это может быть описано как ощущение единства со всем окружающим миром — от собственных детей до чужестранцев и даже вплоть до черепицы на крыше и камней. «Даже Небо и Земля не могут существовать как таковые без человеческого благосмыслия».

Несмотря на то, что стиль рассуждений в «Чуаньси лу» весьма близок к тому, что приятно называть идеализмом, в действительности Ван Янмин стремился как можно сильнее выразить представление о том, что моральные ценности берут начало во внутренней гармонии чувств, в сердце человека. Нравственные представления возникают внутри сердца-ума и затем распространяются на окружающий мир, а не вытекают из какого-либо внешнего источника.

Ван Янмин был неплохо знаком с буддийскими и даосскими книгами и постоянно использовал их в своей работе. Однажды философ заставил своих учеников «учиться мудрости простого народа», исходя из того, что она служит продолжением сознания человека, а не внешним по отношению к нему знанием. «Благосмыслие и благомоощь у глупого мужика и глупой бабы те же, что у совершенномудрых», - говорил он.

Важнейшей характерной чертой философии Ван Янмина является трактовка им знания как смыслообразующего действия. Значение тезиса философа о «совпадающем единстве знания и действия» – в демонстрации действенного характера знания, стремлении доказать, что знание есть действие, а не наоборот, что существенно повышало статус знания и шире – сознательного начала в человеке. Для обозначения единства знания и действия Ван Янмин и сипользовал, в частности, термин «благосмыслие», под которым подразумевал «субстанциальную сущность и трансформирующую активность одновременно». Рассуждая о единстве знания и действия, Ван Янмин учил: **«Знание есть начало действия; действие есть исполнение**

знания, знать и не действовать означает знать не вполне». Ван Янмин утверждал, что нравственная истина должна немедленно переходить в действие, в противном случае она несостоятельна. Если отсутствует действие, то нет и осознания; раз нет перехода к действию, то осознание ущербно, — именно в этом заключается самый радикальный компонент учения. Говоря более современным языком, Ван Янмин предпочитал дионисийский путь познания, заключающийся в отбрасывании разума, место которого занимает мечущееся в прямом действии тело. «Не нужно быть всё время настороже. Нужно считать, что ты уже мёртв». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ». Подобный мистический опыт Хайдеггер называл бегством от себя, состоянием восторга, пребыванием вне себя от восхищения.

Итак, распространение благосмыслия до предела есть распространение знания, которое изначально содержится в уме-сердце человека, в действие. А смыслообразующее прямое действие, непосредственно связанное со смертью, порождает нигилизм. Поскольку в эпоху Ван Янмина слово «нигилизм» ещё не было известно, вместо него использовалась категория «возвращения к великой пустоте», которая традиционно рассматривалась в качестве источника возникновения всех вещей, последнего разделителя добра и зла посредством разума. Если, к примеру, разбить кувшин, то пустота, что содержалась в нем, возвращается к великой пустоте. Если представить себе человека в виде такого сосуда, то пустота, содержащаяся в нём, то есть облеченная в тело мысль, устремляется к совершенному разуму, истинной великой пустоте, разбивает кувшин (тело) и мгновенно соединяется с вечнопребывающим абсолютном. Эту великую пустоту можно определить как первооснову активного нигилизма.

Сравнивая пустоту в буддизме с ванъянминовской великой пустотой, мы видим, что пустота, растворяющая в нирване всю иллюзорную множественность вещей и великая пустота, выступающая источником прямого действия, на первый взгляд противостоят друг другу. Однако в буддизме Махаяны, где говорится о необходимости действий для спасения от заблуждений, порождаемых иллюзией «существования», неясно скрыта связь буддийской категории пустоты и великой пустоты из учения Ван Янмина. Согласно замечанию Мисимы, самосожжение вьетнамского монаха в знак протеста против войны, вполне может рассматриваться как прямое действие, совершённое в соответствии с учением Ван Янмина.

Когда нам говорят о Небе, мы обычно представляем себе голубые небеса, но Небо не есть только это. Частицы всеобщей пустоты, скрывающиеся

среди камней или в речных волн — это такие же проявления абсолюта, как и небо. Небольшая пустота, которая содержится в нас, ничем не отличается от пустоты, которой обладают святые. Если кто-нибудь пожелает вернуться к великой пустоте (абсолюту), ему следует знать, что Небо уже пребывает в его уме-сердце. Любой человек, при наличии истинного желания, может достичь пределов святости. «Святой уже сам по себе есть великая пустота; великая пустота уже сама по себе есть невыраженная святость».

Для соединения с абсолютном необходимо с чистым сердцем и искренностью отбросить любые желания, опустошить все формы. Ведь даже огромные города и целые острова разрушаются от ударов землетрясения — именно потому что обладают формой. Однако никакое землетрясение не в состоянии уничтожить великую пустоту. Именно с учётом этого, рассматривая процесс возвращения ума-сердца к великой пустоте, говорят об истинной неподвижности. Иными словами, великая пустота есть исходная сущность, вечная неразрушимость и неподвижность, действительное пребывание мира. Когда ум-сердце обращается к великой пустоте, любые действия и поступки выходят за пределы категорий добра и зла и, став результатом подлинного интуитивного знания, полностью сливаются со справедливостью Неба, превосходящей рождение и смерть.

Человеку следует не досадовать на смерть тела, но сердиться на смерть сердца. Именно из этого положения прямо вытекают крайности прямого действия. Если знать, что в действительности ум-сердце не умирает, тогда в иллюзорном мире не останется решительно ничего, чего следовало бы бояться. Сила воли становится запредельной.

Сегодня все мы живем в эпоху, когда смерть сердца представляет собой самое распространённое явление. По мере того, как средняя продолжительность жизни год от года увеличивается, умножается и количество людей, считающих, что следует опасаться не смерти сердца, а смерти тела. В таких обстоятельствах, мировоззренческая позиция, обретенная воином пустоты, как носителем прямого действия, воспринимающим смерть в виде пространственного вхождения в великую пустоту, в виде возвращения абсолюту собственной маленькой пустоты, наглядно демонстрирует нам преимущества мощи духа. Эти преимущества ясно видны на примере японского последователя учения Ван Янмина, Осие Хэйхатири, который был предводителем восстания 1837 года, направленного против правительства сёгунов Токугава. Отряды восставших были вскоре разбиты, Осие покончил жизнь самоубийством.

В юности Осио Хэйхатирос посетил школу в Оми, где Накаэ Тодзю («Святой из Оми») за два столетия до этого излагал учение Ван Янмина. Во время возвращения в Осака, при переправе через озеро, когда лодка Осио попала в сильный шторм, он вручил свою судьбу небу и стал готовиться к смерти. В эти мгновения он обрёл просветление и понял, что его философское стихотворение, рассказывающее о необходимости потерпеть поражение для обретения интуитивного знания, написанное во время предыдущего визита в Оми, относилось не к абстрактному человечеству, но к нему самому. «Тогда пришло ко мне осознание,- писал впоследствии Осио,- что, если не смогу разобраться в себе самом, вся ученость, которую я накопил за жизнь, ничего не стоит. И, когда я сидел неподвижно, а волны бушевали вокруг, мне было видение, что я встретился с самим Ван Янмином. Если бы мне удалось оставить всякое самоосознание, разве могли бы произвести на меня малейшее воздействие волны? В тот момент всякий страх и жалость к себе исчезли, как снег, тающий под солнцем...» Вскоре шторм прекратился, и Осио спасся. Мистический опыт, обретенный на озере, придал ему полную душевную решимость и подготовил его к последним действиям и смертному концу так, как не смогла бы никакая сумма знаний, или бездна учености.

После поражения возглавленного им безнадежного восстания, Осио Хэйхатирос был осажден в одном из крестьянских домов. Стражники призывали Осио выйти и сразиться с ними, но он не ответил на их уловки, и они решились на немедленную атаку. Осио сразу поджег солому и прочие горючие материалы, которыми обложил дом именно на такой крайний случай. Когда стражники все-таки ворвались в помещение, он выхватил кинжал около сорока сантиметров в длину и вонзил себе в горло, перерезав сонную артерию. После этого вытащил оружие из раны и швырнул его в нападавших, однако, что для него всегда было характерно, не причинил им серьезного вреда. Какое-то мгновение он стоял у входа, и охранникам была смутно видна его высокая фигура, напоминавшая священника, окруженная языками пламени. Потом он упал и погиб в горящем доме.

Деятельная сторона учения Ван Янмина становится очевидной на стадии прыжка от осознания к действию. Если бы не было великой пустоты, мы неизбежно утонули бы в осмыслениях и так и не смогли бы освободиться от рассудочности и познавания. Философия Янмина есть путь возврата к спонтанному прямому действию, которое совершают безрассудно при помощи активного нигилизма, используя как рычаг великую пустоту.

«Все мы желаем жить и поэтому неудивительно, что каждый пытается найти оправдание, чтобы не умирать. Но если человек не достиг своей цели и продолжает жить, он проявляет малодушие. Он поступает недостойно. Если же он не достиг своей цели и умер, это действительно фанатизм и собачья смерть. Но в этом нет ничего постыдного. Такая смерть есть Путь Самурая. Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твоё тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем. Тогда вся твоя жизнь станет безупречной и ты сможешь преуспеть на своём поприще». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ».

В своём предсмертном письме японский воин пустоты Юкио Мисима сказал: «Под влиянием философии Ёмэй (Ван Янмина) я понял, что знать и не действовать — значит знать недостаточно; само же действие не предполагает какого-либо эффекта».

Сон девятый

Ничто к Власти и Пустота к Господству

«Я учу не примитивной замене одного человеческого правления на другое, ещё более человеческое, но жесточайшему захвату абсолютного превосходства через Ничто к Власти и утверждению тотального преобладания через Пустоту к Господству. То есть: имеющий уши... находит их уже отрезанными». (Азсакра Заратустра «Ничто к Власти и Пустота к Господству»)

Если бы атомная бомба могла философствовать, то она непременно бы утверждала, что её философия – ни для кого, но в том-то и дело, что её убивающая мудрость – только для всех. Так говорит современный философ и поэт-мистик – Азсакра Заратустра, суровый создатель легендарной тысячестраничной и всецело пустотной «Библии Ничто, Библии Пустоты». Эта книга книг представляет собой то, что Мирча Элиаде называл «иерофанией»: проявление священного в мирском, концентрацию мощи абсолютной пустоты.

Мистические интуиции часто бывают сложными для восприятия, ибо только всё мелкое и бесспорное безусловно понятно. Составленное, в основном, из высказываний Азсакры свободное изложение его взглядов

представляет собой prolegomena к философии у-**Ничто!**-жения (**Ничто!**-властвования) и ис-**Пусто!**-шения (**Пустотно!**-господствования), что и должно в ближайшем будущем, по его словам, создать эффект **Окончательного Отсутствия**, которое, в свою очередь, приведёт к аннигиляции всей человеческой Системы повсеместного правления «того же самого» духа тяжести.

В полдень, когда умолк мистический диалог, происходивший в абсолютном молчании, змея внезапно укусила Заратустру в губы. Заратустра, погладив её, засмеялся и мгновенно достиг смерти. Орёл, который принёс мёд в клюве для Заратустры, застал лишь его труп. «Я убийца Заратустры!», – подползая, прошипела змея. Орёл схватил её когтями и живьём разорвал на куски. После этого, издав ликующий крик, крылатый «вестник воли к мощи» взмыл в клубящееся чёрными грозowymi тучами небо и тут же в мгновение ока был испепелён ударившей в него молнией. Но и молния, которая есть Сверхчеловек, тоже гибнет. Последней ярчайшей вспышкой молнии закончился закат Заратустры. Великое кольцо возвращения замкнулось смертью в смерти, ибо **только в жесточайшей гибели заключается тайна главного перехода.**

Ницшеанский Сверхчеловек умер и теперь не вернётся, даже, если его наделить новой, ещё неизведанной никем волей к власти. Вместе со смертью Сверхчеловека исчезает дьявол – так и неразгаданная никем тайна Зла с большой буквы. Иными словами: сегодня Абсолютное Зло уже нельзя ни помыслить, ни спроецировать. В мире остался лишь «перманентный человек», который обречён вечно возвращаться к самому себе, реализуя своё жалкое и трусливое «человеческое, слишком человеческое». Но, именно в момент триумфа «повсеместного человека», по ту сторону всех по-ту-сторон, из гибели Сверхчеловека рождается Сверхноумен – само Ничто, которое так же, как и каждое «Сверх», неистово стремится только к одному: достигнуть Смерть!

«Две реанимации, сильные отравления, некрозы, обширные ожоги, глубокие колотые и резаные раны, открытые переломы, разрывы мышц живота от ударов кастетами, сильные заражения крови, потеря правого глаза. Но всего этого недостаточно. Однажды, после удара кувалдой в сердце меня спросили: что это, война или мясная лавка? – Треск стрекозы в огне!» (Азсакра Заратустра «Ничто и Ничто к Власти»)

Чистая пустотная мудрость Сверхноумена есть страшная мудрость **Уже Сверх Без** «человека». Она даёт четыре основных императива:

1) **Не** родиться; 2) **Не** существовать; 3) Быть – **Ничто**; 4) И, следовательно, как можно скорее «настигнуть Смерть!»»

Сверхноумен-**Ничто** разрушает все мыслимые и немыслимые пределы рационализма и иррационализма. Для того, чтобы являть Ничто к Власти, не нужно переоценивать все ценности. Достаточно устранить все ценности и всех оценивающих эти ценности, включая само «ничто». Воля к Власти Сверхноумена, в отличие от человеческой воли к жизни, есть лишь бесконечное превышение всех ставок смерти. Это уже всецело иной мир – мир как воля и истребление! Усилить мощь всего живого – значит укрепить силу всего мёртвого. Рождение ничто из духа Ницше означает рождение крайнего буйства жизни из духа Ничто. Такова боевая пустотная стратегия окончательного преодоления нигилизма с помощью антифилософии **Великого Полдня**. Таково пустотное царство Заратустры, утверждённое как проекция ницшеанской воли к мощи через Ничто к Власти и Пустоту к Господству.

В области смерти мышление мыслит и воля волит – скрыто, тайно, интуитивно. Ибо только здесь возможно мышление без страха. Нужно всегда помнить о том, что всякая секунда, которая проживается или мыслится, несёт в себе страх. Поэтому драконы ужаса должны пожрать драконов страха. Любые философские опоры лишь помогают сохраниться страху, поэтому они должны быть жестоко истреблены. Пришло время нанести всей философии завершающий удар, как заключительное протыкание мечом отсутствия шеи побеждённого присутствия. Необходимо безумием Ницше счищать сумасшествие всей философии как тотального мыслетрусия. Для мужчины нет ничего выше этого – мыслить как Ницше и умирать как Мисима. Средневековый японский самурай (дух, всегда готовый к разрыву!) здесь бы сказал так: нужно доверять только голосам мёртвых героев. Нельзя доверять тем, кто уцелел. Каждый подлинный мыслитель опасен, опасность рождает истину. Мыслить опасно – значит мыслить крайними избытками смерти. Даже если тебе целятся из револьвера в голову — не торопись отступить. Лишь в пустоте пустота пустотно пустует.

Ум способен стать Богом, но твоё тело всё равно будут резать и расчленять. Мало того, тело должно быть готово к самой ужасающей истине – абсолютному разрыву Духа. Необходим подъём на самые головокружительные высоты смерти, где «всех», как «всех, слишком человеческих», неумолимый Дух разрывает в клочья. Разрывание и расчленение всегда совершеннее, чем озарение и просветление. Поражение было бы слишком лёгким исходом для че-

ловека и потому человек его не получит. Всё будет намного страшнее. Кто боится погибнуть, как собака или быть раздавленным, как муравей, погибнет во сто крат хуже – человеком. «И кого вы не научите падать, того — ещё быстрее — сделайте падалью!». Так говорит Азсакра Заратустра.

В отличие от человека все звери всегда достигают смерти избыточно и достойно. Нет большего счастья, чем жить вне людей, среди хищных орлов и ядовитых змей. По Азсакре: самый крохотный раздавленный червь – в своей смерти – более Бог, чем сам Бог. К примеру, обычно считают, что понятия «кураца» и «героизм» взаимно исключают друг друга. Между тем, именно кураца способна к самому крайнему проявлению волетела – эффекту отрубленной головы. Именно в этой точке смерти кураца совершеннее любого тигра. Больше того, в этом сверхжизненном порыве волетела она, хотим мы того или нет, превосходит даже Мисиму. А это значит – не человек, не Бог, но только одна смерть имеет искомую храбрость домыслить всё до конца. Нам нужно иметь мужество мыслить подобно Смерти – начертывать её всегда с большой буквы! Неумолимо наступать собственной Гибелью вопреки всему. Каждый конкретный и абсолютный закон должен быть нарушен и убит с помощью Ничто к Власти и Пустоты к Господству. Для этого нужны лишь непрерывные и неуловимые пустотные воли самой сияющей Смерти. Высший опыт отрешённой гибели подчёркивает мизерность и убогость любого человеческого правления силы, каждого homo-носного диктата по сравнению с мощью разрыва духа. Мы должны действовать вне цели, оправдания и смысла, проявляя лишь роскошь максимальной агрессии Духа. Не столько жить содержательным «человеком», сколько непрерывно сражаться наиболее крайним избытком пустотного «Сверх»! Абсолютное Ничто к Власти неостановимо и мощно, ибо раз и навсегда бесполезно. В этом ничто нет ни многих, ни единственного. Соответственно Ничем как Пустотой к Господству не сможет воспользоваться никто, кроме роскошного в своей избыточной агрессии Сверхноумена.

«Я учу истреблять учеников. Подлинная школа борьбы – это храм без верующих. Я – крайняя опасность пустоты и все, кто идёт по моим следам, так и не увидев их, исчезают». (Азсакра Заратустра. «Ничто и Ничто к Власти»)

Истинное Небытие – это истребление похорон, похоронных обрядов и похоронного мыслетрусия. Похороны есть трусливое и постыдное удаление «всего человеческого» от ужасающего мужества трупа. Во всём, жестоко

убитом, всегда остаётся Ничто, которое мстит миру всегда и поэтому оно (как Ничто к Власти) ещё обязательно прыгнет. Это Ничто к Власти, как одновременное уничтожение верха и низа, господства и анархии, порядка и хаоса. А из Ничто к Власти всегда следует Пустота к Господству как прицельное добивание всего остального. Убить мир как слабость – значит превзойти его не силой, а отсутствием, то есть вынудить жизнь жить именно и только самим Небытием. «Слабые люди робеют перед чистым энтузиазмом, они не в состоянии вынести жара его огня», – писал Альфред де Виньи. Отсюда упражнения в активном «настигании смерти» всегда направлены не против сакральных принципов жизни, не contra жизневластия, но лишь против профанных способов «умирания», «подыхания», «отрупливания». Таким образом – эти «упражнения в смерти», неистовые «броски в гибель» подготавливают Сверхчеловека для последующих сражений в Абсолютном Ничто, то есть Сверхчеловек неустанно практикуется именно в том, чтобы его чистое «Сверх» превзошло частичного и мелко-пристрастного «человека», возвысилось до видения всеобщего Несуществования в его универсальной перспективе Сверх. И путь этот всегда один: от Сверхчеловека – через его неумолимую Гибель – в **Сверх Без «человека»**; а затем и ещё дальше – в **Сверхноумена!** Зачем? Даже один атом смерти ценнее миллиардов частиц спасения и сохранения, ибо труп мужественнее Духа. Труп – это само великое схватывание Духа в его неожиданной трусости. Невозможно жить без проектов собственной смерти. И не только без самой Смерти, но и без планов по дальнейшей зашифровке трупа. Это означает, что, несмотря на гибель, необходимо продолжать изумлять, ужасать и загадывать мир собственным «истреблённым телом». Если, конечно, не дрогнут те, кто должен участвовать в этом. Но и без них возможно обойтись.

Смеющимся львом идти по костям Конфуция.

Пустота безжалостней, чем битва и революция.

Пока дао мягко сжимает кулак –

Никто настигает Ничто – не умирая никак.

Ничто настигает Никто – не оживая никак.

(Азсакра Заратустра «Сверхноумен»)

«В Ничто ничего никогда не меняется, кроме Ничто к Власти» – таков непреложный закон **Ни Для Кого**. Но разве иллюзия мира, усиленная через

иллюзию человека, не есть чернь? Мы ненавидим мир не за то, что он «мир», а за то, что он – «быдло», скопище трусливо и комфортно мыслящих ублюдков. Поэтому если рабы не дремлют, то и господа не спят. Если Пустота отсутствует и не приказывает, то приказывает и волит Пустота к Господству.

Необходимо научиться использовать тайную мощь наиболее непроявленных сил, превосходств и преобладаний: небытие (храбрость), несуществование (смелость), отсутствие (отвагу), пустоту (решимость), ничто (мужество). Сверхцель Будды до «будды» – **четвёртый (истинный) поворот колеса дхармы, который возвестит приход Ничто к Власти и Пустоты к Господству.** Абсолютно нет ничего «существующего», кроме Ничто к Власти. Ничто есть ничто иное как Ничто к Власти, переходящее в Пустоту к Господству. Ничто к Власти стремится сделать каждого Заратустру одновременно солдатом и вождём Пустоты к Господству. Оно не наделяет исчезнувшее нечто жизнью в Ничто, но, напротив, уничтожает само Ничто. Если идти больше некуда — это и будет началом движения с помощью Ничто к Власти, когда нападать больше нечем — это и станет началом применения Пустоты к Господству. «Только в силу того, что я не существую, я истребляю и захватываю. Любая форма — лишь след моего пустотного насилия внутри меня же самой». – Так говорит пустота, которая изначально есть Пустота к Господству.

Каждый, кто живёт на лезвии ножа, крайне болезненно ощущает нестерпимый упадок пустоты, её тысячелетний буддийский декаданс. Есть только два вида войны: сильное сражается с сильным за превосходство в гибели или слабое борется со слабым за подачку выживания и последующее мягкогниение в трусости. Возникает главный вопрос: хочет ли Пустота убивать? Ответ: ещё больше, чем всё остальное!

Самый ис-**Пусто!**-шающий изыск: Пустота к Господству всегда убивает, но не оставляет ни трупов, ни их отсутствия. Ничто к Власти всегда разрушает, но не оставляет ни руин, ни отсутствия руин. Что мы, как Ничто к Власти, можем любить вечно? Только Пустоту к Господству...

И когда чёрное солнце ничто воссияет рядом с белым солнцем Пустоты — смеющийся лев Ом прыгнет в свой Великий Полдень.

Сон десятый

Философия несуществования

«Нельзя допускать вообще никакого бытия...» (Ф.Ницше)

Жил-был человек, которого не было...

Ноль изображённый в виде круга указывает на абсолют, пребывающий внутри этого круга. Если ноль изображают в виде овала, его стороны обозначают процессы нисхождения и восхождения. В символике ноля присутствуют небытие, мысль и таинство. Ноль - соединение бесконечно малых и бесконечно больших величин, исток всех чисел, сам себя замыкающий круг мира. Ноль символизирует как вечность, беспредельность, так и пустоту, несуществование, идеальный, запредельный мир.

«Я родился мёртвым, повторяю я себе. Все мертвы, отвечаю я себе на это. Да, они мертвы при жизни, только большинство из них не знает об этом, а я уже начал понимать. И самое отвратительное, что я понял это в самом конце своей жизни, когда ничего не могу изменить и когда слишком поздно сносить такие удары судьбы», - размышлял герой Алана Силлитоу. В отличие от «живых трупов», полностью умершие мёртвые - покойники - пребывают в покое, а покой – это мощь свободы, которую ничего не способно потревожить, состояние совершенства небытия. Бесчисленные поколения умерших и оставивших нам свои мысли мудрецов являются идеальными собеседниками. Они не существуют абсолютно, а мы пока сохраняем ошибочную видимость условного «существования». Об этом в своё время прекрасно сказал Лихтен-

берг: «Если и случается когда похоронить живого, то сотни других, в сущности мёртвых, продолжают цепляться за землю». Мир, представляющий собой самоограничение ничто, населяют персонажи, выдающие себя за живых. К примеру, когда происходит война, это означает, что одни иллюзии убивают другие иллюзии, поскольку воюют умершие. Не только пророков покоя любят слушать покойники. Сказано: «Бог не есть Бог мёртвых, но живых». Но мёртвым в ещё большей степени, чем живым необходимы своя религия и своя философия.

Движущей силой любой честной философской системы являются идеи, возникающие из душевной тревоги, вызванной злом, которое безраздельно господствует в мире. Иллюзия мира – это и есть зло. От шокирующих истин стараются уклониться, но тем меньше поводов их смягчать. Обычно тотальную несправедливость очень ярко ощущают подростки. С годами восприятие притупляется и люди привыкают к окружающему злу: мир воспринимают как данность, а свои представления о нём – как житейскую мудрость, поскольку «так легче жить». Но это мыслетрусие и самообман: дети более мудры по сравнению со взрослыми.

Философия несуществования (нонэкзистенциализм) не имеет ничего общего с подавляющей массой бюрократических текстов современной казённой «философии» (софоложества), которые сочиняются или как руководство для студентов и аспирантов, или с целью получить учёную степень или поддержать свою профессорскую репутацию, или, наконец, чтобы просто сделать денежный оборот. Эта философия создаётся, чтобы дать слово несуществующему. Так же, как врач прописывает лекарства больному, чтобы прервать его галлюцинации, так и философия несуществования утверждает, что ничего нет. Она предназначена для людей с храбрым сердцем, которые способны бесстрашно принять все содержащиеся в ней интеллектуальные вызовы, как бы ни были они разрушительны для господствующих представлений о реальности и ценностях.

Философия несуществования представляет собой объяснение мира и человека с позиций небытия, имеющего два уровня – абсолютный (собственно небытие) и относительный (несуществование, которое проявляется как видимость «существования»). Основной тезис: **небытие есть, а бытия нет**. Смысл нонэкзистенциализма заключается в том, что человек постоянно находится перед выбором **узкого пути** подлинного небытия (уже-небытия), в котором он в полной мере обретает свою истинную пустотную природу, или **широкого пути** небытия условного (ещё-небытия, или несуществования).

Условное небытие не есть реальное бытие, так же, как занятые в долг деньги не являются подлинным богатством. Что не вечно, то несуществует, поэтому вечно лишь отсутствие «существования».

«Слово «гэн» означает «иллюзия» или «привидение». В Индии человека, который показывает фокусы, называют «гэндзюцуси», или «мастер создавать иллюзии». Всё в этом мире — всего лишь кукольное представление». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ».

В качестве главного орудия иллюзии мира выступает время, но оно иллюзорно, как и сам мир. Поэтому всякая вещь, которая когда-нибудь станет пустотой, в действительности уже сейчас является пустотой, то есть, несуществует. В принципе, мы все несуществуем, только некоторые из нас думают, что они «существуют». С большинством людей происходит примерно то же самое, что и с патологическими скрягами: они принимают средства за цели и, позабыв о целях, судорожно цепляются за средства. **Пустота - это обладающая самосуществованием субстанция**, всё остальное - её проявления. Любая форма — это пустота, а пустота — это любая форма. Поэтому истинный ответ на экзистенциальное вопрошание - кто я? — возможен всего лишь один: **я есть самосознание пустоты**. И, как таковое, временно заброшен в несуществование для осознания всеобщей пустотности мира и последующего растворения в абсолюте. В этой связи, видимо, прав был Фалес, который заявил, что между жизнью и смертью нет никакой разницы и, когда его спросили, почему же он в таком случае не умрёт немедленно, ответил: именно поэтому. В конце концов, всякая вещь, в той мере, в какой она (не) существует, стремится продолжать пребывать в своём несуществовании.

Здесь необходимо задержаться и предельно честно ответить на вопрос о самоубийстве, который Альбер Камю справедливо назвал основным вопросом философии. Согласно утверждению Кьеркегора, самоубийство представляет собой неизбежный экзистенциальный вывод интеллектуализма. Всякий интеллектуализм, когда разовьётся до своей завершающей стадии, должен закончить нигилистическим бунтом. Не является ли для божества наказанием то, что оно не в состоянии, несмотря на всё своё всемогущество, покончить жизнь самоубийством? Получается что, в силу обладания возможностью самоуничтожения, человек оказывается могущественнее богов.

По Гегелю субстанция духа есть свобода. «Всякий, кто хочет главной свободой, тот должен сметь убить себя. Кто смеет убить себя, тот тайну обмана узнал. Дальше нет свободы, тут всё, а дальше нет ничего», - рассуждал герой романа Достоевского «Бесы» Кириллов, которого Бердяев называл «самым

благородным и возвышенным из самоубийц». Если мы ещё живы, значит, мы что-то в себе уже предали: в этом заключается метафизическая неизбежность самоубийства. При отсутствии идеи о бессмертии самоубийство становится совершенною необходимостью для всякого человека, чуть-чуть поднявшегося в своём развитии над скотами. В элегии греческого поэта Феогнозия эта немудрёная мысль высказывается с сугубой честностью и удивительной определённой: «Было бы лучше, если бы дети земли не рождались вовсе. Но раз они уж родились, то самое лучшее для них – возможно скорей пройти через ворота подземного царства». Французский мыслитель Вольтер именовал жизнь злой шуткой, а оптимизм определял как издевательство над всеобщими страданиями. В подобном ключе высказывался и Байрон: «Сочти радостные часы, которые ты пережил, сочти дни, свободные от тоски, и знай, кто бы ты ни был, что есть нечто лучшее – не существовать». В своём произведении «Ночные бдения» немецкий философ Шеллинг изобразил жизнь как трагикомедию, которая не стоит того, чтобы в ней участвовать и в которой главные роли назначаются самым бездарным исполнителям. По мнению Шеллинга, мы все представляем собой замаскированное небытие: «Скелет смерти всегда мелькает позади этой жадно глядящей маски и жизнь есть ничто иное, как колпак и побрякушки, в которые наряжается небытие для того лишь, чтобы произвести шум и затем изорвать и отбросить их далеко от себя». Жизнь бессмысленна и ничтожна во всех своих формах, - утверждал Филипп Майнлендер. Космос, с которым она слита, всеми своими проявлениями устремляется к одной единственной цели – к смерти. Таким образом, если и «существует» смысл жизни, то он заключается в достижении абсолютного ничто, в отрицательности, в аннигиляции жизни.

Вернёмся к роману «Бесы», в котором Достоевский рассказал историю духовного бунта инженера Кириллова, Самоубийство Кириллова представляет собой мятеж против унижительного рабства человеческого духа, заброшенного на перепутье между бессмысленностью жизни и страхом смерти. «Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего - Своеволие! Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна... Два предрассудка удерживают, две вещи, только две; одна – очень маленькая, другая – очень большая. Но и маленькая – тоже большая. Маленькая вещь – боль, но её можно перетерпеть, большая вещь – страх перед Богом, но его нет», - рассуждал Кириллов. Нет ли? «И ещё поступок Кириллова – это попытка разбудить спящего Бога, услышать от него: «Не стреляйтесь, Алексей Нилыч, Я есмь, всё в порядке», - с иронией прокомментировал Акунин. «Libert;, ;galit;, fraternit; ou

la mort! Kiriloff, gentilhomme-s;minariste russe et citoyen du monde civilis. (Свобода, равенство, братство или смерть! Кириллов, русский дворянин – семинарист и гражданин цивилизованного мира)» - издевательски подписал свою последнюю записку Кириллов.

«Невольно мне представлялось, что там где-то есть кто-то, который теперь потешается, глядя на меня, как я целые 30--40 лет жил, жил учась, развиваясь, возрастая телом и духом, и как я теперь, совсем окрепнув умом, дойдя до той вершины жизни, с которой открывается вся она, - как я дурак - дураком стою на этой вершине, ясно понимая, что ничего в жизни и нет, и не было, и не будет. «А ему смешно...» Но есть ли, или нет этот кто-нибудь, который смеётся надо мной, мне от этого не легче. Я не мог придать никакого разумного смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни. Меня только удивляло то, как мог я не понимать этого в самом начале. Всё это так давно всем известно. Не нынче – завтра придут болезни, смерть (и приходили уже) на любимых людей, на меня, и ничего не останется, кроме смрада и червей. Дела мои, какие бы они ни были, все забудутся - раньше, позднее, да и меня не будет. Так из чего же хлопотать? Как может человек не видеть этого и жить - вот что удивительно! Можно жить только, покуда пьян жизнью; а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что всё это - только обман, и глупый обман! Вот именно, что ничего даже нет смешного и остроумного, а просто - жестоко и глупо», - рассуждает в своей «Исповеди» другой русский мыслитель, Лев Толстой.

А что же прогресс? В конечном итоге никаким становлением ничего не достигается и ничего не обретается, за исключением самого ничто. Любой прогресс, как увеличение иллюзорного «существования», неизбежно приводит к увеличению страдания, в результате мир стремится стать хуже, а не лучше. Наука представляет собой кладбище идей: трагизм человеческой комедии не нуждается в научной логике. Наука считает волоски на хвосте у сфинкса лишь потому что боится взглянуть ему в глаза. «Весь наш род людской не что иное, как утомительная процессия призраков, бредущих из небытия в небытие, а **гуманность – это самое бесчеловечное**, что мы только знаем», - написал в книге «О трагическом чувстве жизни» великий испанский пессимист Мигель де Унамуно. Действительно, ещё в 19 веке неизлечимые больные как правило относительно быстро переходили в абсолют небытия, в то время как сегодня им приходится предварительно пострадать, подвергаясь всевозможным истязаниям в виде химической терапии и хирургического вмешательства. Выходит, прогрессу необходимо, чтобы человек, подобно подопытной мыши, основательно помучился: иллюзорное бытие, которое сродни тотали-

тарной секте, не желает просто так отпускать своих пленников на свободу. **Но если я вижу, что на больничной или брачной кровати корчится животное, то где же тогда человек?** В этом контексте лучше быть убийцей, разбойником и маньяком, чем либералом и гуманистом.

Единственно возможное здоровье – смерть, поэтому конечная цель мёртвой петли мирового развития заключается в реализации основного условия счастья – отсутствия страданий, то есть реализация небытия. «Может быть, нуль-линия неожиданно всплывёт перед нами в виде планетарной катастрофы?», - вопрошал Хайдеггер. Для того, чтобы ускорить счастливую развязку и избежать совершенно бессмысленных страданий, человечеству необходимо проникнуться стремлением к небытию. «Не увеличивайте существования!» - прозорливо предупредил Будда.

«Самурай должен прежде всего постоянно помнить – помнить днём и ночью, с того утра, как он берёт в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги – что он должен умереть. Вот его главное дело», - учит японская книга самураев «Будосёсинсю». Любое уничтожение прекрасно: иллюзию нашей самости уничтожает не конец жизни, а божественный абсолют ничто. Разносящий в клочья видимость «существования» абсолют, освобождает нас вместе с жизнью от всего рабского. Согласно взглядам Юкио Мисима, если человек достиг высокой степени одержимости, перед ним открываются ворота смерти. При этом между добровольной и вынужденной смертью нет никаких различий. Нельзя умереть «за правое дело», поскольку природа смерти абсолютна, а любая цель относительна. Часто именно «правое дело» служит приманкой, затягивающей комедию. **На распутье между жизнью и смертью самурай выбирает любую смерть.** Поэтому любые доводы, отстаивающие возможность и даже необходимость поучаствовать в представлении театра теней до конца, следует а priori рассматривать как мыслетрусие.

Нигилистическое недоверие к смерти иногда возникает в душе воина пустоты по той причине что, умирая, мы покидаем не только жизнь, но и смерть. «Приближающаяся смерть приводит меня в ужас, потому что я вижу её такой как она есть: уже не смерть, а невозможность умереть», - парадоксально заметил Морис Бланшо. Если философия – это наука умирания, то воин пустоты безусловно желал бы умирать до бесконечности, вновь и вновь. С другой стороны, совершенно очевидно, что на коллективный суицид человечеству в ближайшее время рассчитывать не приходится, разве что в результате какой-нибудь счастливой неосторожности. Понятно что подавляю-

щее большинство представителей несуществующего человечества этого не желает в принципе. Многочисленные поколения людей, согласно выражению Арсения Чанышева, пришли из небытия и ушли в него, так ничего и не поняв - тем больше смысла в обращении к умершим. Как уже было сказано выше, мёртвым тоже нужна своя философия.

Может ли мир устоять против ничто, которое, приняв формы разрушения, несёт в себе нигилизм? Никогда. «Я не спорю с миром, это мир спорит со мной», - говорил Будда. Обычно люди банального склада ума предпочитают утешиться иллюзией временного относительного благополучия, благодаря которому ещё резче обнажается всеобщая пустота жизни. «**Лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньёй**», - утверждал Джон Стюарт Милль, характеризуя людей, страдающих интеллектуальной и аффективной тупостью, которым свойственны безмятежное баранье счастье надежд и устремлений и редукция всех интересов к анальным потребностям. Сознанием абсолютность пустоты, но, по разным причинам, не спешащим в ней сию же минуту раствориться, можно, в порядке мыслетрусия, напомнить о том, что этого прекрасного финала в любом случае никому не избежать.

Любое удовольствие есть определённый вид боли. Есть счастье, которое заключено в мысленном созерцании бесконечного совершенства абсолютной пустоты. Есть способная вызвать уважение одержимость, заключающаяся в упорной защите позиций, заведомо обреченных на уничтожение, мужество «испытать чашу до дна». В любом случае, иллюзия - это то, что следует в первую очередь расколдовать и, прежде всего, иллюзию работы, поскольку она аналогична бытию. «Нигилизм не преобразует нечто в ничто, но разоблачает, что ничто, принимаемое за нечто, является оптическим обманом», - писал в 1868 году Герцен.

Однажды, отбросив прекрасный цветок, Будда спросил: Каждое ли Ничто, способное удерживать револьвер и стрелять из него, может называть себя Ничто к Власти? - Нет, Ничто к Власти удерживает и направляет не револьвер, а наднебесные молнии, - ответил ему Азсакра Заратустра. Соединение с абсолютом невозможно без жертв: сильные духом используют нивелирующую деструкцию, свойственную нигилистическим методам и терминологии. Совершить жертвоприношение абсолюту означает не разрушить, а даровать. Можно длить собственное несуществование, следуя завету Будды «не увеличивать существование» и стремясь, насколько это возможно, видимость всеобщего «существования» уменьшить. «Нигилизм есть не только размышление над тщетностью и не только вера в то, что всё достойно ги-

бели, он сам помогает делу, сам губит», - говорил Ницше. Некоторые войны пустоты считают долгом не принимать собственного уничтожения до тех пор, пока последняя пылинка не достигнет состояния ничто. При этом важно помнить, что абсолютное небытие прекрасно обойдётся и без этих смехотворных уничтожающих усилий. Тем более, что единство пустоты, оставаясь самодостаточным, совершенно не нуждается в количественном увеличении. Не следует забывать, что в абсолютном смысле мир и всё, его составляющее, безусловно принадлежит ничто: стоит ли в таком случае дожидаться того вождельного времени, когда все деревья, поля и травы обретут пустотную буддовость? И всё-таки, мысль о том, что человек способен хоть немного содействовать процессу, который приведёт в итоге к торжеству абсолюта, вызывает суровую гордость, ибо это необходимо не пустоте, которая в принципе ни в чём не нуждается, а нам. Здесь перестают действовать любые доводы и аргументы. Инстинкт самосохранения не в состоянии уменьшить привлекательность прямого действия, выступающего как проявление ничто и опережающего всякое объяснение, которое ему дают.

«Учитесь, - говорит классик философского пессимизма Артур Шопенгауэр, - чтобы достигнуть точного и последовательного понимания полной презренности человеческого рода». «Этот мир покрыт столь толстым слоем пошлости, что презрение к нему со стороны каждого умного человека неизбежно приобретает силу страсти», - вторит великому пессимисту французский декадент Бодлер. Нельзя не упомянуть и творчество Луи-Фердинанда Селина, чья философия отчаяния на грани цинизма, апокалиптическое видение мира, бунт против скотской жизни, перерастающий в отрицание самой жизни, воспринятой исключительно как гнусный бесчеловечный фарс – всё это представляет собой великое и беспрецедентное событие в истории мировой культуры. В целом же, в длинном ряду размышлявших «о ничтожестве и горестях жизни» мыслителей единственную заслуживающую внимания альтернативу суициду предложил другой французский философ, Эмиль Чоран, указавший, что покончившие с собой навсегда лишаются возможности ежедневно смеяться над жизнью. Хотя не исключено, что несанкционированный уход – это и есть самый громкий хохот, когда смеётся сама пустота. В её экстатических раскатах бытие корчится, пронзаемое наднебесными молниями освобождения.

Если Шопенгауэр утверждал, что мир скверен, как только может быть, в силу одного уже факта своего «существования», то несуществующий мир становится уже не так скверен – именно в силу того, что его, в абсолютном отношении, нет:

«-Может быть, нечто какое–нибудь есть? Всё же ведь ни ничто! - Совершенный нуль. - Кто же смеётся над людьми, Иван? - Чёрт, должно быть, - усмехнулся Иван Фёдорович. - А чёрт есть? - Нет, и чёрта нет». (Фёдор Достоевский. «Братья Карамазовы»).

Главная тайна философии и этики Ивана Карамазова заключается в его апологии небытия. Там, где всё теснит в ничто, господствует нигилизм. «Итак, да здравствует забвение! Я вижу достоинство только в небытии», - провозгласил, комментируя творчество Маркиза де Сада, испанский режиссёр Луис Бунюэль. Воистину: **слава ничему!**

Таким образом, антифилософия последовательного нонэкзистенциализма отвергает любое решение, которое способно лишить нас свободы отвергнуть всё, что только возможно. И даже то, что отвергнуть совершенно невозможно. Несуществование подразумевает счастье не быть благодаря ничто и выражает стремление к такому соучастию в основаниях собственного небытия, которое приближается к отождествлению с ним. Соппротивление соблазну видимости «существования» требует запредельного мужества. **Активный нигилизм совершается как прыжок льва.** При этом всякий спонтанный акт сопротивления - прямое действие - есть утверждение небытия, независимо от конкретного содержания этого акта. Сила несуществования, явленная в действии такого рода настолько велика, что тысячи Будд в страхе трепещут перед ней. То, что с позиций проявленного мира выступает как самоотрицание, с точки зрения абсолютного небытия представляет собой наиболее совершенное самоутверждение, наиболее радикальную форму мужества несуществовать.

Небытие не несёт в себе никакой угрозы, поскольку мы сами и наш мир – всё это и есть проявленные формы небытия. В экзистенциализме смысл жизни заключается в преодолении отчаяния, связанного с отсутствием смысла. В нонэкзистенциализме смысл жизни заключается в восторге, вызванном отсутствием жизни: **восторгом приоткрывается ничто.** Только в ответе на этот зов небытия человек раскрывает свою собственную пустотную природу, осознаёт наличие скрытого смысла внутри самого разрушения смысла. Победа над тревогой отсутствия смысла достигается там, где предельная истина понимается не как нечто определённое, а как пустота, поглощающая собою всё. В принципе сама пустота – это и есть единственно возможный окончательный смысл, в контексте которого евангельская притча о блудном сыне означает его блуждание на чужбине «бытия», раскаяние и возвращение в отеческий дом – в пустоту. «Если мы захотим возвести факт в степень мора-

ли, то эта мораль будет гласить: продукты декаданса более ценны, чем средние, воля к ничто торжествует над волей к жизни, а общая цель, выраженная в христианских, буддийских, шопенгауэровских терминах — лучше не быть, чем быть», - так говорил Фридрих Ницше. Согласно его мнению, величайшим доводом против бытия является сам страдающий и всеозерцающий Бог.

Как освободить от тирании иллюзии бытия всё живое и неживое? Для этого воин пустоты деонтологизирует мир, одновременно субстантивируя (но не персонализируя) ничто, стремится к тому, к чему банальному человеку вообще не положено стремиться. В игру вступает запредельное. Подобно льву, он забирается в укрытие и там творит свою философию и этику, согласно которой сила небытия всегда предпочтительнее слабости бытия. Восстание воина пустоты против банальной иллюзии мира есть, прежде всего, восстание против желания жить в роде и продолжать род. «Смеющиеся львы Заратустры приходят лишь для того, чтобы весело смеяться смертью, то есть, всякий раз уничтожать каждый хнычущий Эрос! В противном случае, «вечная женственность» снесёт всё и всех — вниз», - так говорит Азсакра Заратустра. Воин пустоты принципиально не принимает ничего, что досталось ему по наследству из обломков несамодостаточной галлюцинации, ничего из того, что транслируют средства массовой коммуникации, обслуживающие бытие. Он сражается не только против насилия власти, но и против массового сознания, доверяющего власти. Он конструирует радикальные авантюры мысли, выходящие за рамки повседневности, во всех вопросах придерживается личных, а не общепринятых мнений. Ещё Макиавелли говорил, что тот, кто желает обмануть, всегда имеет в своём распоряжении толпы, желающие быть обманутыми. Поэтому крайне важно мыслить не как все. Пустота не каждому открывается, задача овладения ею – задача сугубо творческая. Пустота больше, чем истина, больше чем жизнь и смерть, больше, чем вся вселенная. Мистика пустоты – это воинственная метаэротика непрерывного наступления, всегда агрессивная сверхлюбовь и надненависть к пустоте.

Сегодня, как и прежде, человек, который не боится смерти, намного сильнее самой тотальной тирании. «В той мере, в какой нигилизм становится нормой, символы пустоты становятся страшнее, чем символы власти», - утверждал Эрнст Юнгер. Согласно Иммануилу Канту, есть вопросы, которые интересуют всех: что я должен делать? на что я могу надеяться? Воин пустоты в первую очередь уничтожает надежду, ведь иллюзия и надежда – это одно и то же, поэтому любая надежда является проявлением недоверия к пустоте.

Он выбирает мир несуществования для того, чтобы ему, как своему замыслу, следовать: **быть пустотой, любить пустоту, сохранять верность пустоте.**

Сон одиннадцатый

Сражения в пустоте

«Философия – это упражнение в смерти», - учил Платон. Когда Анаксагору сообщили о смерти его сына, он отреагировал так: «Я знал, что породил смертное существо». Учитель Платона, Сократ, в момент своей смерти напомнил собравшимся ученикам: «Мы должны Асклепию (богу медицины) петуха. Так отдайте же, не забудьте». Подводя последний итог, философ решил поблагодарить бога медицины за излечение от болезни жизни.

Согласно учению Будды практика и постижение истины суть одно. Широкий путь философии несуществования включает в себя переход от интеллектуального, теоретического осмысления небытия к практике растворения в пустоте. В этой связи возможно сформулировать самые общие направления движения в нигилистическом поле, хотя проблему собственного несуществования каждый решает для себя сам.

Прежде всего следует, отстранившись от иллюзии окружающего, созерцать пустоту. Если сознание отказывается от тупикового стремления наблюдать внешнее и обращается к внутренней бесконечности, оно способно до-

стигнуть корня своего несуществования – пустоты. Познай самого себя и ты познаешь пустоту, не оставляющую места ни для чего.

Идея прямого контакта с абсолютom завораживает. Однако способна ли книга изменить жизнь хотя бы одного человека, включая автора, учитывая то, что самое главное (потаённое) по определению не может быть сказано? «Я живу в постоянном страхе, что меня поймут правильно», - признавался Оскар Уайльд. Возможно, кажущаяся простота философских высказываний Сократа служила средством избежать прямого проговаривания основного. **Всё, что может быть произнесено, лишено значительности. Пустота постигается молчанием.** Многие мыслители древности считали, что философия является не системным построением, а пережитым опытом - опытом внутреннего общения с вечным.

Несмотря на это, отвратительная игра с философскими понятиями зародилась уже в древней Греции. Один философствующий болтун, сильно докучавший Аристотелю своим многословием, спросил его: «Я тебя не утомил?» Аристотель ответил: «Нет, я не слушал». В то же время наиболее мудрые из древних, например Лао Цзы, понимали, что подлинная истина не может быть доказана, а всё, что доказано - бесконечно далеко от истины, поскольку мелко и безошибочно. Философские произведения античности сочинялись главным образом не для информирования, а для формирования. «Вот мятущаяся душа, потерявшая корни, стонет и молит о Боге и обращает к скептику гордый и страстный вопрос: да есть ли в конце концов Бог или нет? И что же находит он у него в ответ? Молчание. Философ, может быть, только смотрит на него глазами, полными какой-то загадочной неопределенности, но – не говорит ни слова». (А.Лосев) И это молчание скептика, подобно громовому молчанию Будды, которым он также любил отвечать на досужие метафизические вопросы, громче самого громкого крика и красноречивее тысячи трактатов.

Молчание лучше слушать в его контексте. Люди по-разному молчат о разном.

«Ничто! Это и есть то, чего достигает вера мужества и мужество веры. Ничто! Так и возник своеобразный испанский нигилизм (лучше бы было назвать его «надизмом», от испанского «nada» - «ничто», чтобы подчеркнуть его отличие от русского нигилизма). Лучше всех выразил суть надизма художник Игнасио Сулоага. Показывая одному из своих друзей свой портрет сапожника из Сеговии, безобразного, как уроды Веласкеса, отвратительного и сентиментального карлика, он сказал: «Понимаешь, ведь это истинный философ!

Он ничего не говорит!» То есть, дело не в том, что он говорит, что ничего не существует или что всё в конце концов обратится в ничто, а именно в том, что он ничего не говорит. Быть может, он был мистик, погружённый в тёмную ночь Хуана де ла Крус, быть может и все уроды Веласкеса – тоже мистика того же рода. Сапожник из Сеговии, ничего не говоря ни о чём, освободился от самой обязанности мыслить; перед нами истинный свободомыслящий». Так говорил о пользе молчания испанский мыслитель Мигель де Унамуно.

Человеческая болтовня, досужая и напыщенная, резко диссонирует с тишиной и серьёзностью несуществования. «Поэтому, вслед за Ничтонице следует не говорить словами, а смеяться самой пустотой!»(Азсакра Заратустра). У древних славян работник, сделавший гроб, относил его в дом умершего, сохраняя абсолютное безмолвие. Так нужно поступать и философу, ведь слово –это всего лишь зыбкая пена в океане небытия, в то время, как молчание бывает подобно цунами. Следует трижды подумать, прежде чем промолчать: молчанием постигается абсолютная истина пустоты, главное свойство которой – неизречённость. Даже философ нашего времени, при условии что он молчит, иногда способен показаться мудрым. Молчание философов – это молчание живых. Молчание живых – это молчание мёртвых. А молчание мёртвых – это молчание Бога.

Но много ли в наши дни можно встретить философов, молчащих в соответствии со своими философскими взглядами и вызывающих стремление помолчать вместе с ними об истине? Философская, да и любая иная бессмысленность редко бывает безмолвна. Возможно, что современным философам и было бы что сказать - если бы они столько не говорили. Философствование по штатному расписанию – до этого могли додуматься только в несчастной России. На самом деле философ – это не человек, который имеет соответствующий диплом, а тот, кто мыслит и действует как философ. Этот момент истины очень актуален для страны, в которой бюрократически скомпилированная «философская» диссертация ни о чём (софоложество), является не самым сложным путём к повышению своего мнимого статуса. **Философия, как и религия, должна быть бескорыстной.** Становясь частью бюрократической машины, они неизбежно и очень скоро разворачиваются и изворачиваются. Отсюда подлые, расчётливые инстинкты, свойственным философским и религиозным функционерам.

«Расчётливые люди достойны презрения. Это объясняется тем, что расчёты всегда основываются на рассуждениях об удачах и неудачах, а эти

рассуждения не имеют конца. Смерть считается неудачей, а жизнь — удачей. Такой человек не готовит себя к смерти и поэтому достоин презрения. Более того. Учёные и им подобные люди за умствованиями и разговорами скрывают своё малодушие и алчность». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ».

«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не сидит в компании развратителей». Безупречный человек — это тот, кто уходит от суеты. Делать это нужно решительно. Однако, чем сильнее человек стремится избежать общества людей, тем меньше ему это удаётся. Поэтому единственно правильный путь заключается не в бегстве, а в неучастии. В силу своего неучастия, воин пустоты становится для общества невидимкой, ведь энергия общественного инстинкта - это активность бессмысленного суммирования нулей. Герой романа И.С.Тургенева "Отцы и дети" Базаров был глубоко убеждён в том, что в обществе нет ни одного института, который не следовало бы разрушить. Любые социальные учреждения имеют своей целью помешать людям осознать их собственное несуществование и превратить их в обслуживающих иллюзию бытия послушных экономических животных. «Привести себя в норму, жить, как живёт «простой (т.е., тупой) человек», считать справедливым и хорошим то, что он считает справедливым и хорошим - это будет подчинение стадным инстинктам», - предостерегал Ницше. Всё, чем занимаются люди, настолько безобразно, что нет никакой разницы, чем именно заниматься или не заниматься ничем вообще. Воин пустоты, даже когда ничего не делает — не делает ничего истово, с бунтом. Он радикальней любых революционеров, потому что не верит в реальность мира: ведь цель философии несуществования как раз и заключается в отказе от ложной идеи «существования», из-за которой мы терпим, принимая их всерьёз, различных кровососущих насекомых. Следует чтить нигилистическую катастрофу, которая велит им: погибни. Необходима безусловная воля заявить «нет» именно там, где это «нет» особенно опасно.

«Философия – это не есть построение системы, но раз и навсегда принятое решение наивно всматриваться в себя и вокруг себя», - утверждал Бергсон. Для того чтобы у нас сформировалось представление о пустоте, как объекте метафизики, необходимо живо и сильно прочувствовать предмет. Именно поэтому основу философского образа жизни составляют духовные упражнения. Постоянные глубокие размышления о пустоте – вот самое важное занятие в жизни философа, его главное духовное упражнение. Что касается более конкретного содержания духовных практик, то они могут быть биологического порядка, скажем, определённый режим питания, или

дискурсивного – внутренний диалог и медитация, или интуитивного - тонкое созерцание, но все они направлены на то, чтобы привести к преобразованию практикующего субъекта и его растворению в пустоте.

Следует ещё раз подчеркнуть, что мелочная расчетливость бесконечно чужда пустотному духу, равно как и гедонистический материализм, поскольку они не содержат в себе никакого окончательного решения, будучи сосредоточенными на банальных переживаниях удовольствия и неудовольствия. В отличие от повседневности, которая воспринимается полубессознательно, погружение в пустоту даёт интенсивные состояния, в которых мы способны отчётливо ощутить всеобщее отсутствие. Так, Хайдеггер разделял два уровня саморазвития личности, при которых одно «я» остаётся на уровне «они», а другое достигает подлинного, иначе говоря, осознания пустоты. При этом самое основное – переживание растворённости «я» в пустоте, которой иллюзорное «я» невыразимо близко, именно потому что само по своей природе пустотно. Достигнув этого уровня, воин пустоты овладевает чистым искусством несуществования, условием которого является предвосхищение (пред – восхищение) и даже опережение смерти. «Скоро ты всё забудешь, скоро тебя все забудут», - этот афоризм Марка Аврелия имеет прямое отношение к описанным духовным упражнениям, поскольку формирует понимание необходимости превзойти все частности, оставаясь непоколебимым в любой ситуации. «Мы не можем быть свободны, пока мы зависим от обстоятельств», - учил своих последователей Сёко Асахара. Но это ещё не всё, необходим категорический отказ от ценностных определений вещей - в силу того, что ни вещей, ни определяющего в абсолютном отношении нет. По этой же причине любые оценочные суждения по типу «выше» или «ниже», по большому счёту, бессмысленны, поскольку пустота не содержит в себе никаких направлений и уровней. Разумеется, эти выражения вполне возможно использовать, отдавая себе отчёт в их условности и относительности, ведь всегда имеется конечный предел языка или несказуемое, которое и есть само несуществование мира.

Стремясь научиться не видеть мир, мы совершенствуемся в искусстве овладения пустотой. Как бы плохо не обернулось дело, у нас всегда остаётся убежище. Со временем пустота начинает сражаться с иллюзией наличного на нашей стороне. Подобно буддийскому восьмеричному пути, соединение с абсолютной пустотой также включает в себя восемь ступеней:

- 1) Правильный взгляд: ясно видеть абсолютное несуществование мира явлений. «Наше тело получает жизнь из пустоты. «Существование»

там, где ничего нет, составляет смысл слов: «Форма — есть пустота». Слова же: «Пустота есть форма» свидетельствуют о том, что пустота содержит в себе вещи. Не следует полагать, что пустота и вещи суть различны». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ».

- 2) Правильное мышление: анализировать окружающее, исходя из правильного взгляда относительно условного характера его «существования».
- 3) Правильная речь: избегать наговаривания несуществующего мира, которое укрепляет иллюзию его наличия. «Необходимо определиться: говорить правду, чтобы лгать? Или изрекать ложь, чтобы говорить правду? Разница здесь небольшая» (Азсакра Заратустра). Поэтому самая правильная речь – это молчание. Лучше не говорить словами, а смеяться самой пустотой. Это и есть «Ещё веселее наука».
- 4) Правильные действия: спонтанные прямые действия, которые выражают смыслообразующий отказ от иллюзии «существования». Небытие есть небытие для штурма. «Путь самурая — это стремление к смерти. Десять человек никогда не совладают с одержимым человеком. Здравый смысл никогда не совершит ничего подобного. Нужно стать безумным и одержимым. Ведь если на Пути Самурая ты будешь благоразумным, ты быстро отстанешь от других. На Пути не нужны ни преданность, ни почитание, а нужна только одержимость. Преданность и почитание придут вместе с ней». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ».
- 5) Правильная жизнь: погружённость в несуществование; жизнь, невидимая для общества. «Всё, что происходит с нами, кроме конкретных ножевых ударов, огнестрельных ран и чудовищных испепелений, не имеет к подлинному разрыву духа никакого отношения» (Азсакра Заратустра).
- 6) Правильная память: постоянные глубокие размышления о пустоте. Очищение сознания от всего, что не есть пустота.

Исследуем собственную пустоту. Для этого с помощью микроскопа проникнем вглубь своего «существа». Мы видим клетки тела, затем подробно рассматриваем одну клетку, потом всё меньшие элементарные частицы — и наконец видим совершенно пустое пространство, лишённое свойств и цвета. Чем дальше мы углубляемся в собственное строение, тем ближе мы подхо-

дим ко взгляду на себя как на пустоту, поскольку ясно видим своё отсутствие. Но если мы — ничто, как сказать: «я существую?»

Мы наблюдаем за огромным водоёмом, это море или океан. Видите ли вы как ритмично движение волн и мягкое колебание воды? Продолжаем наблюдать за водой, пока внимание не начнёт рассеиваться, а вместе с ним постепенно рассеивается и мысленный образ. Следим за мыслями по мере их опоявления, но не останавливаемся на них. Замечаем каждую мысль и отпускаем её. Если мы замечаем, что следим за потоком мыслей - отпускаем его. Замечаем момент между мыслями, когда получается ни о чём не думать. Направляем сознание на расширение этих моментов без мыслей и ждём. Когда мы замечаем полное отсутствие мыслей, это само по себе является мыслью о том, что мыслей нет. Поэтому стараемся не вмешиваться в процесс. Необходимо позволить развиваться естественным пустотным способностям сознания. Подлинное отсутствие мыслей равнозначно небытию. Через какое-то время поток мышления уменьшается, а потом и вовсе прекращается. Остается лишь пустота, которая и есть – мы.

7) Правильное усилие: переход. Упражнение перехода – это упражнение в небытии, то есть в том, чтобы превзойти себя частичного и пристрастного и войти в абсолют в его универсальной перспективе. «Никто никогда не будет знать, откуда ударит сама мощь победы — из небытия, из несуществования, из отсутствия, из пустоты, из ничто?» (Азсакра Заратустра)

8) Правильное освобождение: соединение с абсолютной пустотой. «Заставь образ твоего божества - хранителя постепенно исчезнуть, пока от него ничего не останется, а сам погрузись в чистую пустоту, которую невозможно представить как нечто и некоторое время пребывай в ней», - учит «Тибетская книга мёртвых». - «Затем вновь мысленно сосредоточься на своём божестве-хранителе и вновь - на чистом свете пустоты и делай так поочерёдно. После чего заставь свой ум постепенно исчезнуть. В этом состоянии ты избежишь нового рождения». Так человек возвращает потерянный рай абсолютного отсутствия.

У каждого спящего свой мир, а пробудившиеся ото сна пребывают в едином – в пустоте. Растворение в пустоте – это скольжение мысли за пределы данности, момент перехода в пустоту – освобождение духа от предметности опыта. Соединиться с абсолютным означает преодолеть предел саморассеивания, за которым исчезают и свет и тьма.

«Именно в созерцании всегда следует доверять не «хлопку одной ладонью», а мудрой серии ударов! Самому всё сокрушающему, крепко сжатому кулаку. Выражаясь точнее: каким было твоё лицо до удара кулаком, таким оно уже никогда не будет после. Сегодня нужно сделать так, чтобы философское созерцание стало ещё более опасным для мира, чем тысячи тысяч атомных бомб».(Азсакра Заратустра). Пустота – это сила, не знающая преград и расстояний. **Когда на пути война пустоты встречается железная стена, он проходит её насквозь. Доведи пустоту до начала.**

Сон двенадцатый

Смеющийся лев прыгнул в Великий Полдень

Я думаю о пустоте. Ей нет конца. И никогда не будет. В бесконечность пустоты можно падать бесконечно. И в этой бесконечности я. Навсегда. И всё обретает смысл. Смотрю старый фильм и знаю, что все тени, мелькающие на экране, уже давно растворились в пустоте. Гляжу вокруг себя и вижу, что через сколько-то лет всё, что имеет видимость «существования», окончательно растворится в пустоте. Я – всё в тот миг, когда перехожу в абсолютное небытие.

Активный нигилизм совершается как прыжок льва. Ничто не в состоянии направить действия решившегося индивида, кроме самого ничто. Мы выбираем мир абсолютного отсутствия для того, чтобы ему, как своему замыслу, следовать: быть пустотой, любить пустоту, быть верными пустоте.

Вселенная постоянно расширяется. Если повернуть время вспять, становится очевидным, что она произошла из одной единственной точки. Расчеты показывают, что эта сингулярная точка, в которой содержалась вся материя, обладала нулевым объемом и бесконечной плотностью. Мощный взрыв, поло-

живший начало вселенной, назван «Большим взрывом». Учитывая, что нулевой объем означает небытие, приходим к выводу, что вселенная возникла из небытия. Согласно учению Мадхьямики, вселенная не обладает самостоятельной сущностью (самосущностью), поэтому она пустотна. Мир полностью зависит от небытия, а его «существование» может рассматриваться лишь на относительном уровне, т.е. относительно всё того же небытия. Небытие же, напротив, абсолютно.

Как события будут развиваться дальше? На этот счёт есть две основные версии. Во-первых, неограниченно ли будет продолжаться расширение вселенной? Теория “Большого хлопка” утверждает, что когда масса расширяющейся вселенной превысит определенную величину, расширение прекратится и начнется сжатие. Оно будет продолжаться, пока вселенная не сократится до размеров минимального объема и беспредельной концентрации плотности. Процесс сжатия и прекращения «существования» вселенной будет сопровождаться звуком колоссальной мощности, который никто не услышит, но который, тем не менее, уже назвали “Большой Хлопок”. Это и будет тот самый дзэнский хлопок одной ладонью, который ознаменует исчезновение иллюзии вселенной в небытии, зарастание уродливой раны, нарушающей гармонию совершенного отсутствия.

Но если плотность мала, то сил тяготения недостаточно, чтобы остановить расширение. Астрофизические наблюдения показывают, что средняя плотность видимого вещества во Вселенной намного меньше критического значения, отделяющего один вариант будущего от другого. Поэтому вселенная, скорее всего, расширяется неограниченно. Что из этого следует? Вселенная начнёт разрушаться. К тому времени как закончится процесс распада галактик, все звезды давно погаснут и не смогут именоваться звездами. К тому же их уже никому будет именовать. Когда рассеянное в пустоте ядерное вещество полностью распадется, звезды и планеты превратятся в фотоны и нейтрино. В конечном итоге от вселенной не останется практически ничего, кроме абсолютного ничто, возрождённого в его первоначальном совершенстве. Великое восстановление пустоты навечно растворит злокачественную опухоль мироздания.

Итак, человек, человечество и вселенная совершают один и тот же путь из ноля в ноль. Это и есть «прогресс», что означает – «движение вперёд». Из ничего в ничто ведут свой путь материальная и духовная культура человечества, Шекспир, Толстой - и даже Достоевский, который, как и всякий мыслящий русский человек, стремился оперировать предельными категориями. На

миру и смерть красна? В прошлом существовал красивый обычай: когда умирал вождь, вместе с ним отправляли в небытие его рабов, наложниц и жён. Ведь всякая идея о «существовании» внешнего мира приводит к тому, что за эту иллюзию цепляются как за реальность и стремятся увлечь хотя бы её частицу вслед за собою в ничто. О, жалкие филистеры! Слабо прихватить с собою всю вселенную? Но нет, они предпочитают трусливо оттягивать свой конец, поскольку не понимают, что за пределами несуществования никакого «существования» нет.

Львы Заратустры смеются лишь для того, чтобы им вслед расхохотались смертью неистовые молнии! Лев прыгнул.

Дух пустоты достигает истины, обретая себя в абсолютном разрыве: так небытие закрывает двери бытия. Никто не видит, как избавительное освобождение приходит из никуда и проникает повсюду: опустошающая пустота и всё уничтожающее ничто, и нет ничего помимо ничего. В абсолютном отсутствии нет ни животных, ни умерших людей с пустыми отверстиями вместо глаз, а есть лишь тёмные молнии, обращающие всё в ничто, а вскоре и они исчезают. И таков вид этих молний: нет никакого вида, а мысленные образы недолгое время есть. Они называются: пустота и единое.

Незримые стрелы поражают осколки зеркальной иллюзии, которые дух пустоты уничтожает, обретая своё изначальное совершенство. Подобное ударам колокола потаенное безмолвие проистекает из каждой наднебесной молнии и со свода, возвышающегося у основания каждой из них; над сводом — неразличимый призрачный город и в нём — невидимый престол. На том престоле нет ничего и пустота распространяется вокруг ничего. В пустоту из престола ничто отправляется повозка о трёх колёсах, окружности колёс украшены очами смеющихся львов, и каждое колесо укрыто в колесе, а основное колесо - последнее - как и все остальные - невидимое. Сам запредельный дух пустоты вращается и вечно возвращается в этих колёсах. Круговорот колёс обозначает путь великой пустоты небытия к самой себе через бытие тьмы вещей.

Об этом я, кого нет, свидетельствую несуществующим, пришедшим послушать о пустоте. Что бы ни случилось, не теряйте отчаяния!

КОНЕЦ НИЧТО

(Послесловие философа и поэта-мистика Azsacra Zarathustra)

Первый поворот Колеса Дхармы. Второй поворот Колеса Дхармы. Третий поворот Колеса Дхармы. Что это значит? Пустотное, но ещё «пустое, слишком пустое» прокручивание, ещё прокручивание и ещё раз прокручивание... До-Вне-Над-Будда изначально сурово и отрешённо знал: **Сверх-Цель** буддизма — четвёртый [*Истинный!*] поворот Колеса Дхармы, то есть: приход **Ничто к Власти** и **Пустоты к Господству**. Нирвана как самая последняя стадия «страхоспасения» [дурное прокручивание на одном и том же месте того же самого *Samadhi*] должна быть безжалостно у-**Ничто!**-жена, **ис-Пусто!**-шена. **Сверх-Приказ-Прорыв** Абсолютной Воли [как **Ничто к Власти** и **Пустоты к Господству**] должен преодолеть «карму», вдребезги разбив *samsara*-колесо любого (недо!)волевого становления и кармаинстинктивного отступления к *рассеиванию* и *покою*. Нужно всегда помнить: **Ничто к Власти** — это **Не** «отвлечённое правило», а прямое Руководство к Действию: **Для Всех!** Пустота к Господству — это **Не** «абстрактный устав», а конкретное Боевое Пособие: **Ни Для Кого!** В момент *Сакрального Полдня* **Великое Ничто** и **Высшая Пустота** нацелены осуществить **Окончательную Пустотную Синтез-Коронацию** всех *Сил, Действ* и *Сияний* **Мощи Великого Отрицания**. Приказ **Окончательного Нет** — это Приказ *самой Тайны Тайн Жизни*. Жизни как *Роскоши* и *Избытка Гибели* [*Духа к Гибели!*]. Загадать *Смерть в Жизни* — значит Разгадать *Жизнь в Смерти*. *Чистое Бытие* — лишь одна из форм **Триумфа Тотального Несуществования**. Но Несуществования для чего? Для ещё более *Разящего Загадывания Превосходства Небытия* и *Преобладания Отсутствия*: *Сверх, Сверх Сверх, Сверх Сверх Сверх...* *In Summa*: При **Четвёртом повороте Колеса Дхармы** — через **Ничто к Власти** и **Пустоту к Господству** — автоматически **Аннигилируются** [как более ненужные!] три предыдущие «поворота» Колеса Дхармы. Именно [*сейчас!*] возникают и утверждают себя *Новые Ценности Крайнего Неистовства Духа к Разрыву*, а также: *Самые Отрешённые Превосходства Сверх* и *Преобладания Над*.

Die Philosophie als solcher/Философия как таковая есть непрерывный испуг, перманентное мыслетрусие — по-дра-ги-ва-ни-е мысли. Поэтому она [как вечная боязнь «того же самого *hoto*»] должна **Необратимо Исчезнуть**; «уступить место» **Всецело Иной Ничтомощи** — *Небытию, Незнанию, Немыслию, Недеянию Воли к Власти als solcher*. Сразу оглашаю/приказываю **Боевую Доктрину Преобладания Над** и **Превосходства Сверх**: *Подлинна* лишь *та Власть, Которая einweihen*/освящена **Ничто**; «хозяева» и «слуги» — *зablуждение*. **Истинно** лишь *то Господство, Которое* освящено **Пустотой**; «рабы» и «рабовладельцы» — *иллюзии*. Это непреложный **Закон Воли к Мощи**: **Сверхчеловек** как **Сверх Без «человека»** должен утвер-

ждать *Себя* через **Ничто** к **Власти** и **Пустоту** к **Господству**. Всецело **Иное** — **Всецело Безжалостное Иное!** Следовательно: если **Каждое Другое** есть «*то же самое*» — значит **Навсегда Иное Уже Не** пощадит его «*Сверх*»! Исходя из **Ничто к Власти**: с помощью «*формы врага*» **Нельзя Победить Подлинного Неприятеля** — **Ни Внутри, Ни Снаружи**. Только с помощью **Отсутствия** «*формы неприятеля*» **Можно Истребить Истинного Врага** — **И Снаружи, И Внутри** [у-Ничто!-жить через **Ничто к Власти**; ис-Пусто!-шить через **Пустоту к Господству** *внутри всех Глубин, Высей и Бездн!*]. **НО: Победа нужна лишь для Того, Чтобы Победить «победивших».**

у-Ничто!-жение *нолей* —
ис-Пусто!-шение *нулей* —
есть **Рождение Ноулей!**

Ничтолизирую ещё жёстче: Incipit NihilhiN! Nihil/Ничто *возвращается* к **Nihil/Ничто** для *das Nichts zur Macht/Ничто к Власти* — для *die Leere zur Herrschaft/Пустоты к Господству*. А значит: *Сверхчеловек* есть **внезапный переход** на **Другую Скорость Гибели** и **Всецело Иную Мощь Смерти**. *Иными (зло!)вами: Ужасающие Превращения Смерти, которые Никто Никогда Не* осмелился бы [Принять!] и есть *Самое Опасное Состояние Воли к Власти* — **Сверх Без «человека»!** **Вывод: Наиболее Ужасающий Бог** — это просто *Иная Скорость Существования Сверхбезчеловека*, чьё *волевое предназначение* неизменно — **Возвестить Гибель! Настигнуть Смерть! Явить Абсолютный Разрыв!** *Modus:* если в **Пустоте** *есть Пустота к Господству* — **Мужество Пустоты einwandfrei/безупречно!** Поэтому *Сверхчеловек* [как **Сверх Без «человека»**] через *Свою Озарённость Волей к Власти [der Wille zur Macht!]* **Превышает** любое *Сатори*, **Превосходит** каждое *Самадхи*.

Железное Правило der Wille zur Macht: только когда **Воля к Мощи** *переходит* в **Ничто к Власти** и **Пустоту к Господству** — *Вечная Samsara* и *Бесконечная Мауа* начинают **понимать**, что такое: «**Философствовать Молотом**»! Несмотря на всю *свою Безудержную Решимость*, *Сверхчеловек*, обходя ловушки *кармы*, должен быть **всегда крайне недоверчивым** — **Никогда Не** доверять *никому и ничему*. Где царствует **Великая Пустота**, там *повелевает* и **Великий Обман Пустоты**. Что это значит? В «**Великом Отсутствии Врага**» — **Истинным Не** является даже **Сверх-Враг!** **Ни Истине** — [Никому и Ничему!] — **Нельзя обнаружить Его Абсолютное Отсутствие** как **Вечно-Боевое Месторасположение Воли к Власти**. **Сверх-Враг** находится **Более Чем «Везде»** и «**Нигде**», а именно: **Только во ВСЕГДА НЕИЗЪЯСНИМОМ ВНЕ** и **ВСЕГДА НЕДОСТИЖИМОМ НАД!** Он — **Сверх!** — **для Агрессии Вверх!** Он — **Чист!** — **для Насилия Вниз!** Он — **Тот, Кто** **всегда** **успевает Убить Другое, Прежде Чем Его сможет Истребить То Же Самое.**

Это *Самый Запутанный* Пустотный **Labyrinth** **НАИВЫСШЕГО МОГУЩЕСТВА: Воля к Мощи есть Ничто к Власти для Пустоты к Господству** ровно в той же мере, в какой **Дух к Разрыву есть Пустота к Господству для Ничто к Власти**. То есть: *der Wille zur Macht* создаёт *Самые Невозможные Конфигурации* **Всех Духовных Воль Сразу — Тотальные Преобладания Над и Абсолютные Превосходства Сверх! Боевой Modus: Воля к Мощи Сверхчеловека** [в **Великий Полдень!**] переходит в **Ничто к Власти**; и затем — в **Пустоту к Господству**. Зачем? Чтобы *Сверхчеловек* как **Уже Сверх Без «человека»** сказал: «Я есть лишь **Чистый Will der Macht — Воля Властвовать!**» — *Властвовать как?* — **Ohne Verzug/Без промедления!** Разве ты **Не знал: Ничто к Власти — Ещё Невинней**, чем **Само Великое Ничто!** **Пустота к Господству — Ещё Целомудренней**, чем **Сама Великая Пустота!** *А значит — Насилие Сверх-Без-человека est Чистейшая Агрессия Света!*

Прежде Прежде и Пред Пред всегда существует [**Отсутствовластвует!**] только *Чистая Гибель*, из *Которой* и рождается *der Tod/Смерть!* Необходимо **Мужество Гибели**, чтобы *Смерть* [через «**Настигнуть Смерть!**»] стала **Совершенной**. Но почему именно нужна **Гибель Сверхчеловека?** Только *Сверхчеловек* [как **Сверх Без «человека!»**] может сделать **Гибель tadellos/Безукоризненной!** **Духу к Разрыву** нужно **Не** ещё одно героическое «человекоумиране», но — **Сам Абсолютный Разрыв Духа!** Поэтому «**Смерть Смерти!**» будет явлена **Внутри Сверхчеловека** через — **Смерть Же!** Через *Наироскошнейший der Tod!* Будущее **Жизни** — это **Безжалостный Конец Ничто** через **Ничто к Власти!** **Жесточайшее Окончание Пустоты** через **Пустоту к Господству!** Только так и **Не** иначе — мы должны **Пустотно-Изъять** [*Ausweiden!*] каждый *страх «мы»*, каждую *боязнь «я»*. Лишь **Сверх Без «человека»** имеет **Священное Право Царствовать Вечно und Повсеместно**, а значит — в **Самом Сердце der Tod!** И когда **Сверх** двинется на **Сверх**, когда **Над** выступит *contra* **Над** — **Незримая Война Всех Воль** перейдёт **По Ту Сторону «всех по ту сторон»**, чтобы через **Чистейшее Смертирование Смертью** приблизить **Роскошь Наивысшего Празднества — Великий Полдень Абсолютного Разрыва Духа!** **Тотальный Триумф Мощи Мощи! Неиссякаемое Ликование Всех Воль!**

Что допустимо? Допустимо всё, чтобы **Не «допустить» Ничего Окончательно(го)!** И **Пустота**, и **Ничто** должны найти своё *das Grosse Ende/Великий Конец!* По **Ничтонище:** каждый **Триумф Воли к Власти** завершается **Ужасающим Разрывом Духа**. Древний **Язык-Оборотень Сверхчеловека** неумолимо подтверждает «**максимально взрывной**» характер **Подлинного Присутствия в Нём Голубой Крови**. В таких случаях *Ницше* говорил: *Ex ungue leonem/Льва узнают по когтям!* К чёрту **Ничто!** Только **Ничто к Власти — prima causa Неостановимой Воли к Гибели!** *Сверхчеловек*, по *Заратустре*, слишком **Устрашающая и Опасная Сверх-Бестия** — **Он Ни** при каких условиях **Не** идёт на сделку с *Sein und Zeit*. То есть: *Сверхчеловек* [**изначально!**] **Не** подвержен **Никаким** искушениям «*выживания*» и иллюзиям «*безопасно-*

сти». Поэтому **Он Не** рассматривает *мир*, **Не** созерцает *Рим*, но только *их* — **Истребляет!** *Зачем?* **Сверх** — **Без** «человека»! — **Чистейшая Крайность Крайностей...** **Абсолютный Разрыв Духа...** **Страшный...** **Непрерывный...** **у-Ничто!-жающий...** **ис-Пусто!-шающий** **ProzeSS** **Нагнетания Мощи Без начала и конца...**

По **Ничтоницше**: *первичная Воля к Мощи* [в *Свой Великий Полдень!*] переходит в **Ничто к Власти** и **Пустоту к Господству**. *Для чего?* Для **Полного/Окончательного Счищения «человека»**. **Völlige Zerstörung!** Так — **Уже Вне** жалкого «*субстанциально существующего*» — **Сверх Без «человека»** [**Тотальная Мощь Мощи!**] **Вторгается** сразу из **Небытия**, **Несуществования**, **Отсутствия**, **Пустоты**, **Ничто** в **Абсолютное Превосходство Сверх** и **Всецелое Преобладание Над**. *Первичная Воля к Мощи* создаёт именно те *Условия Гибели и Смерти*, при *Которых* каждое *Небытие*, каждое *Несуществование*, каждое *Отсутствие* проявляет *Себя* исключительно как **Ничто к Власти** и **Пустота к Господству**. Поэтому каждое **Нет** царствует лишь в *Том, Чего Ещё Более Нет!* Каждое **Есть** повелевает лишь *Там, Где Оно Ещё Более всё Ест*, **Пожирает** и **Дико Растерзывает**. Всё то, что *Смеющиеся Смертью Львы* покоряют *Роскошью Жизни* [**Бытия!**] и *Избытком Смерти* [**Небытия!**], становится **Царством Пустоты к Господству**; или **Сакральным Рейхом Ничто к Власти**. Путём *Незнания*, *Немыслия*, *Недеяния* [лишения **Воли к Власти**] можно попасть только в *иллюзию Нового Рая* [в плен **Новой Воли к Ничто**], или ещё точнее: в «*слабость*» *Того Же Самого Уныния* и **Покоя**. **НО: Необходимая Царственность Преобладания Над est Роскошь Агрессии Превосходства Сверх!** То есть для **Сверх Без «человека» Нет Ничего БОЛЕЕ НИЧЕГО**, чем **Ничто к Власти** и **Пустота к Господству**.

Alles ist erlaubt/Всё позволено [как действительно: «**Всё Позволено!**»] только для **Ничто к Власти** и **Пустоты к Господству**. Даже более, чем **Всё!** — **Ничего!..** **Ничего к Непрестанному Возрастанию Всего** как **Воли к Мощи: Без опор, равновесий** и каких-либо следов. Нужно **Захватить Отсутствовластие** в *Самом Сердце Великого Ничто*. **In puncto puncti!** Иного **Сверхчеловеку Не** дано. А если и дано, то **Он** [как **Уже Сверх Без «человека»**] **Сам** безжалостно «это» и **Убьёт! Töten!** *Но почему?* Потому что **Каждое Ничто** есть **у-Ничто!-житель!** Потому что **Каждая Пустота** есть **ис-Пусто!-житель!** **Ничто Нельзя у-Ничто!-жить Не** в силу того, что *оно* — **Неистребимое Ничто**, но в *Силу* того, что *Оно* — **Ничто к Власти!** **Именно:** «**к Власти**» как **Ещё Более Неузнаваемому в Мощи** — **Пустоте к Господству!** **Именно:** «**к Господству**» как **Ещё Большему Превосходству Сверх** и **Преобладанию Над**. **Над-Над-Над! Вверх-Поверх-Всех Сверх!..**

Schreibe mit Blut/Пиши Кровью, но ещё больше *свершай Сечение* [**Высекание!**] **Ничем Ничего для АБСОЛЮТНОГО НИЧТО!** То, **Что** формирует **Сверхчеловека**, на самом деле — **Ничего Никогда Нигде Не** «*осуществляет*», **Не** «*производит*», но в то же время **Это** [**Сверх-Над-Сверх!**] **Не «недеяние», Не «пусто-как-успокойно», Не «действие Без действия»,** ибо

здесь, в *Центре Смерти*, *Will Wille*/Вóлит **Воля!** — *Неизъяснимо Творит Гибелью* и *Созидает Смертью!* **Ничего**, а точнее — **Ничего как Ничто к Власти!** — *только* и проявляет *Себя* как *Ужасающая Мощь* АБСОЛЮТНОЙ СВОБОДЫ. Можно было бы назвать это *Самим Недёянием Недаяния*, если бы не *Смёрть Смерти*, которая всегда *Творит Ding*/Нечто [*das Ding an sich!*] *Гибелью* из *Абсолютного Отсутствия*. Именно *исходно* данное **ОТСУТСТВОВАНИЕ** и нужно понимать под *ницшевским* термином *der Wille zur Macht*. Остальные толкования следует **Отбросить!** Они **Ничего** Не решают, ибо **Ничего** [*как Ничто к Власти!*] **Уже** *Изначально* Разрешило [*Порешило их!*]. Всех — **Без остатка!**

По *Nichtsnietzsche*: *Абсолютному Ничто* нужен [**Не нужен**] **Не** ещё один [*тот же самый*] «*житель*» **Ничто**, но как раз наоборот — жесточайший *его* у-**Ничто!**-житель. *А именно*: **Тот, Кто** проявляет *Себя* как **Волю к Власти** ещё *До-Пред-Над* *Волей und Властью*. **Великий Полдень** утверждает *Себя* **Вне** «*бытия и времени*», **Вне** любого, *даже* самого мельчайшего присутствия «*человека*». Там — **До, Вне и Над!** — существует *только* **Сверх Без** «*человека*», **НАВСЕГДА ПОСЛЕ** «*человека*»! Это и есть — *Подлинная Власть* **ОТСУТСТВОВАНИЕ**: *Никому, Ничему* [*даже Пустоте и Ничто*] — **Нет** пощады! **Ja!** По *Ту Сторону* «*всех по ту сторон*» **Сверхбезчеловек** неумолимо становится — **Ещё Злее!** *Его* **Уже** **Не** способны останавливать никакие *физические и трансцендентные* ограничения в виде живого «*диониса*», пустотного «*будды*» или остатков «*мёртвого бога*». **Modus**: когда **Молнии Духа** дико *Захохочут* **Гибелью**, а **Львы Воли** неистово *Засмеются* **Смертью** — *даже* **Великое Ничто** [*даже Высшая Пустота!*] **Не** смогут прервать *Ужасающий Путь* **Сверх Без** «*человека*».

Это *Главное Требование der Wille zur Macht*: **Всё, рождённое от/из Пустоты**, должно стать **Пустотой к Господству**; или — покорно *раствориться* в [**Никем Не!**] завоёванной **Великой Пустоте**. Именно поэтому *каждую Волю к Мощи* интересуется только *Чистая, Беспримесная Энергия Сверх*. Каждый **Сверхчеловек** жаждет/вóлит уловить лишь *Наитончайший Свет* **Сáмого Немыслимого** — **Абсолютного Превосходства Сверх** и **Тотального Преобладания Над**. *Всё есть Сверх und Над*, если, конечно, прежде оно [*Уже Есть!*] **Ничто к Власти** и **Пустота к Господству!** Поэтому: *Царственной Бесконечности Господства* достигает лишь **То, Что** [*через Ничто к Власти и Пустоту к Господству!*] может **Моментально Изменяться** как **САМОЕ ЧИСТОЕ СВЕРХ!** **Изменяться Не** как *Дао* в *Древнем «И-Цзин»*, но ещё **Прежде, чем** **Мгновенность До** сможет повелевать **После**. То есть — **Быть Мгновенно Никогда!** *А Это* значит: *Устойчивому и Отрешённому «Вечно»* приходит **Конец** только *через «Вдруг!»* *Сáмой Неистойой Молнии*.

Меня *как* **Ничто к Власти et Пустоту к Господству** интересуется *лишь* **Скорость Захвата Ничего!** **Тотальное Отсутствовластие Без** надежды на «*живое*» и «*мёртвое*». Почему именно **Так**, а **Не** иначе? Когда **Ничто**, когда **Пустота** достигают **Над-вершинных Состояний** **Ничто к Власти und**

Пустоты к Господству, Они обретают искомую *Легкость Танца Ницшеанского Заратустры* [*Самого Крайнего Пустотногогосподства!*]. Ибо **Сверх Без «человека»** есть **Уже Сверх Без «духа тяжести»!** Лишь тогда *Великое «Über ihren Köpfen!»* становится *Абсолютной Реальностью Роскоши Воли к Мощи!* *Боевой Modus: Власть est в-л-а-з, лазание, вползание Смертоносной Змеи* **Неизъяснимой Мощи Сверх** для *Своего Абсолютного Укуса* [*Укуса Сверхдракона Господства Духа!*]. Только **Воля к Власти** здесь — *Самый Суровый Заклинатель!* Когда **Драконы Ужаса Пожирают драконов страха**, все [*именно Убитые!*] **Сакральные Мастера Смерти Воцаряются Над** хитрыми и живыми «*гадюками*» человеческого правления.

Там, где вы видите «силу», я различаю «слабость»; там, где вы видите «слабость», я **Не различаю ничего...** *что* можно было бы **Жалеть!** Каждый *Пугающий Змей «Власти Над»* должен стать *Ужасающим Драконом «Господства Сверх»!* То есть: *der Grosse Mittag* наступит при единственном *Условии Воли к Мощи* — когда **Подлинную Мощь Мощи** [*как Преобладание Над и Превосходство Сверх!*] будет определять и *строго контролировать* только **Сверх — Уже Навсегда Без «человека»!** Под **Неумолимой Решимостью (к!) Жесточайшему Этому «я»** подразумеваю **Нечто Намного Больше**, чем даже самый *Возвышенный Героизм Богов*. *Сакральный Сверхбезчеловек* должен прорваться/*перейти* именно на **То Состояние Без «страшия»**, при *Котором Уже Нет* места для любой «человеческой» отваги или храбрости. «**Ничего Нет!**» — означает: **Ничего Не бойся**, ибо **Ничего** [*как Ничто к Власти!*] **Не ведает страха Необратимо** так же, как **Пустота к Господству Не знает боязни Окончательно!** Зачем *что-либо Преодолевать Волей*, если *это* можно [**Нужно!**] **Изначально Отсечь!** Предварительно у-**Ничто!**-жить! Исходно ис-**Пусто!**-шить! Пусть *лишь:*

Сияет!

Сердце!

Света!

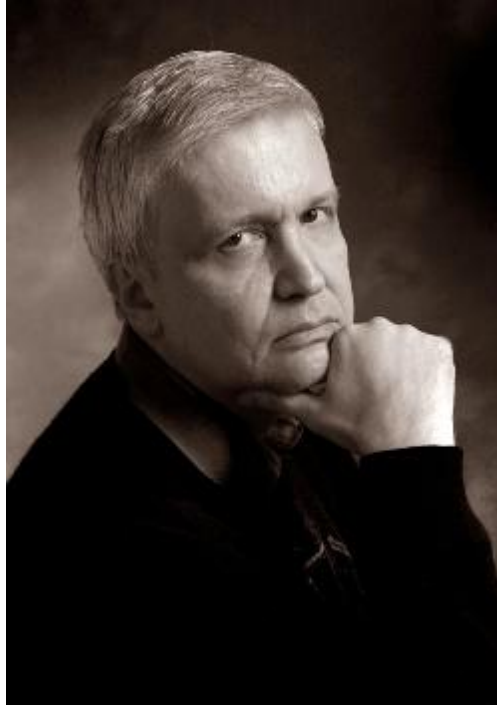
*In facto/*На самом деле в пространстве и времени этого *жалкого мира Нет* **Никакого der Mensch** или *das Man*, существует лишь неизменный и устойчивый *ständig/страхочеловек постоянного мыслетрусия*, то есть: «*всегда-то-же-самое*» **Вечной Боязни**. А *это* означает только одно: непрерывный «*испуг*» — **тяжкое сердце** данного «*страхочеловека*». Поэтому **Сверхсильные** [*прежде всего!*] должны **Вырвать у всех**, начиная с **Себя**, это «*слишком человеческое сердце*»! **Чистейшей Воле к Власти** нужен лишь тот **Мир**, в *Котором Уже Никогда Не* будет любой «*hoto-носной сволочи*», каждой «*страхо-философствующей швали*». Триумфирующий *Modus Лёгкого: Сверх Без «человека» — Уже Сверх Навсегда Без «страха»*. Создание **Сверхбезчеловека** — **Главная Задача Тотального Сверх**, ибо лишь **Сверхбезчеловек Победно Ликует Вне** любых *страхопреклонённых Sein und Zeit*. Это неизбежно: *По Ту Сторону Зла Сверх* становится **Ещё Злее**, а значит: **Роскошь Агрессии Сверх** будет в **Великий Полдень** решать **Всё!**

Ex nihilo nihil fit/Из Ничего Ничто Не возникает, Ничто возникает из Ничто к Власти! Пустоты к Господству! Из Смерти: из Небытия, из Нечто существования, из Отсутствия, из Пустоты, из Ничто... берёт *Сверхчеловек* Всё Необходимое для Захвата Власти Сверх и Унаследования Господства Над. *Nichtbestehen*/Нечто существования и есть его Главная Сила! Он как Древний Оборотень Небытия Не удерживает все формы Жизни, а наоборот: Обращает их вспять — к Тайным Истокам Неумолимого *der Tod*. Исходя из Ничто к Власти: «Настигай Смерть!» — значит «Властвуй Смёртью в Смерти!». То есть: Великий Полдень — это такой момент Воли к Власти, когда *Frei zum Tode*/Свободный к Смерти становится *Frei im Tode*/Свободным в Смерти. Для Чего? Чтобы: «*der schlägt noch den Tod tot!*» — Забивать даже Смерть до Смерти! Сверх Без «человека» уже совсем Рядом! А это неизбежно: *des Todes Tod*/Смерти Смёрть! Смёрть Смерти! Отныне и Навсегда все Самые Сильные будут существовать только как Ничто к Власти и Пустота к Господству! *Das Zeichen kommt!*

Ex ungue leonem/Льва узнают по когтям! Любые попытки осмысления Пустоты и «философские угрозы» по отношению к Ничто [даже исходящие от Крайнего Нигилизма] — Не более чем иллюзии. С Ничто нельзя никак «определиться», а тем более «разобраться», ибо Ничто как Ничто к Власти Разбирается с нами ещё До «нас». Именно поэтому: Ничто есть заблуждение, если оно не Ничто к Власти. Любой набор понятий, определяющих Ничто, — Ничего Не решает, так как: абсолютно Нет Ничего существующего, кроме Ничто к Власти. Ничтолизируя ещё строже: Ничто есть Ничто Иное как Ничто к Власти, переходящее лишь/только в Пустоту к Господству. Абсолютная Мощь неразрывна: Господство как Пустота к Власти есть Власть как Ничто к Господству. Именно поэтому: Пустота есть иллюзия, если она не Пустота к Господству. Любой набор понятий, определяющих Пустоту, — Ничего Не решает, так как: абсолютно Нет Ничего отсутствующего, кроме Пустоты к Господству. Ничтолизируя ещё строже: Пустота есть Ничто Иное как Пустота к Господству, переходящая только/лишь в Ничто к Власти. Абсолютная Мощь неразрывна: Власть как Ничто к Господству есть Господство как Пустота к Власти.

In Summa Summarum: Ничто, укрепляясь Ничем, Никогда Не сохраняет Ничто, ибо у-Ничто!-жает даже Самó Ничего Нет, а это значит: Ничего Нет предстаёт как Ничего Есть Навсегда, где в равной мере Существует и Отсутствует лишь Точка Разрыва Ничто — Ничто к Власти! Отсюда: Ничто к Власти [как Подлинное Ничто!] есть Неизбежный Конец для «каждого ничто», «каждого нечто». Великая Пустота скорее прыгает вперед самого прыжка, нежели пустует, покоится и отсутствует.

КОНЕЦ НИЧТО!

Вадим Филатов

Родился в городе Душанбе (Таджикистан, Средняя Азия). Выпускник Московского Государственного университета (Исторический факультет), где защитил дипломную работу по теме «Исторические взгляды Достоевского». Прошёл обучение в аспирантуре Московского университета (Философский факультет), защитил диссертацию и получил учёную степень по философии. Преподавал философию и историю в разных вузах России, сейчас – в Балашовском институте Саратовского университета. В 2007 году в издательстве Саратовского университета опубликовал книгу «Антифилософия (Записки подпольного парадоксалиста)». В 2009 году в издательстве "Николаев" вышла вторая книга - "Книга Небытия". Философские эссе публикуются в России ("Топос"), в Болгарии ("Литературен свят") и в Индии ("Taj Mahal Review"). Участник сборника "Современная сетевая проза" (М., 2010) Основное направление философских размышлений – экзистенциальные выводы из философии небытия (проблема смысла жизни).